

Секция VIII.

Русская лексикография: проблемы и достижения

Неофициальные топонимы в русском языке: проект словаря

М. В. Ахметова

Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва)

malinxi@rambler.ru

Русский язык, лексикография, разговорная речь, жаргон, топонимика

Summary. The presentation deals with the project of the dictionary of Russian informal place names, used in informal oral and Internet speech, literature, journalism etc. It will describe the principles of compiling, structure of dictionary entries and discuss the main difficulties of making the dictionary.

В докладе предполагается представить проект словаря русских неофициальных топонимов. В словаре отражены разговорные, шуточные и пейоративные топонимы и нестандартные сокращения населенных пунктов России и ближнего зарубежья. Словарная статья состоит из заголовка (именуемый населенный пункт и его административные характеристики), расположенных по алфавиту неофициальных названий населенного пункта (с орфографическими вариантами, если есть) с примерами из СМИ или Интернета, а также включает образованные от этих названий прилагательные и хоронимы (если они были обнаружены в источниках) с примерами. По необходимости расставляются пометы, указывающие либо на социальную сферу употребления, либо на предполагаемую окказиональность топонима. В примеры вносятся минимальная орфографическая и пунктуационная правка, нивелируются графические символы эмоций («смайлики»), но сохраняются особенности интернет-речи и имитация разговорной речи.

Ниже приведены примеры словарных статей:

Железнодорожск Красноярский кр., ЗАТО, 93 тыс. человек (2009).

1. **Девятка** (от сокр. «почтовый ящик № 9»). *Помнится, профессор Зубов, еще когда был губернатором, когда познакомился с только что избранным мэром Железнодорожска Андреем Катаргиным, с похвалой отозвался о деловых качествах нового мэра «Девятки»* («Миллион» (Красноярск); 15.10.2000).

прил. девяткинский. Тёма, а ты нашим аборигенам девяткинским звонил? (форум «X-Ride.ru», тема «Железнодорожск», зап. жит. Красноярска, 2004).

2. **Ж-горск.** *Ж-горск есть удивительная модель российского общества... <...> ...Те, кто уезжает из города, начинает гордиться тем, что вот он такой крутой... вырвался из болота... <...> примерно так же, как красноярцы, уехавшие в Москву... Смешно... Вот... а городок мне нравицца... Жить в нем реально комфортнее, чем в Кырске* [Красноярске] (форум «24Auto.Ru» (Красноярск), 2005).

3. **Железка.** *Первое задание — пробраться через КПП в Железку без пропуска* (форум «24Auto.Ru» (Красноярск), 2006). *Каждое утро из «Железки» в Кырк* [Красноярск]. *Каждый вечер — обратно* (форум «Routka.Ru», 2006).

4. **Железнодорожск.** *А прикинь, я три года ездил утром в Железнодорожск, а вечером обратно. Вечером зимой в Край* [Красноярск] — *это не для слабонервных* (форум «24Auto.Ru» (Красноярск), 2005).

5. **Желек, тж. Желик.** *По-моему, смешно устанавливать WI-FI в Желеке... имхо. У нас инета-то нормального нет...* («Городской форум Железнодорожска» (Красноярский край), 2007). *Слушайте я запуталась... 8-ое — это четверг ведь? Значит, сначала в Красноярске в 19.00, потом оттуда все к 21.00 в Желик?* (форум «24Auto.Ru» (Красноярский край), 2008).

6. **Заколючинск.** *Вполне достойные сливки из насквозь прогнившего Заколючинска, нечего сказать!* («Сегодняшняя

газета» (Красноярск); 16.09.2006). *«Сетевой» маркетинг, или почём в Заколючинске свобода слова?* [заголовок] («Сегодняшняя газета-26» (Железнодорожск); 26.04.2007).

прил. заколючинский. Многие всерьез считают, что вице-губернатор Тубольцев всё-таки нашёл повод сквитаться с неблагоприятным заколючинским электоратом и пустить ко дну экономику Железнодорожска! («Сегодняшняя газета-26» (Железнодорожск); 14.02.2008).

хрн. заколючинцы. И вот уже через пару часов заколючинцы на радостях осыпали комплиментами новоявленную королеву красоты... («Город и горожане» (Железнодорожск); 31.12.1997).

7. **Уран-Батор** публ. (название сайта Эдуарда Безобразова (Железнодорожск); по одноименному городу из рассказа В. О. Пелевина «День Бульдозериста»).

Марининский Посад Чувашская Респ., 10 тыс. человек (2008).

Марпосад, тж. Мар. Посад, Мар.-Посад. *Посетители музея также увидят картины мастера живописи Анатолия Рыбкина, а на выставке «Новые имена» откроют для себя художницу из Марпосада Татьяну Ефимову* («Грани» (Новочебоксарск); 26.08.2004). *31 дек. утром — «спящий» автобус до Мар. Посада, днем — подготовка к Новому году: кухня, салаты, картошка, курица и т. д., и т. п...* (блог «Живой журнал», зап. жит. Сызрани, 2009). *Съездил в Мар.-Посад. 700 км туда, 700 км обратно...* (блог «Mail.Ru», зап. жит. Москвы, 2006).

прил. марпосадский. Главврач марпосадской больницы Анатолий Данилов оценивает их сегодняшнее состояние как удовлетворительное («МК в Чебоксарах»; 16.04.2003).

хрн. марпосадцы. Марпосадцы обобщили пятилетний опыт работы всех природоохранных юннатских кружков Дома творчества («Советская Чувашия» (Чебоксары); 28.04.1998).

Энергодар (укр. **Енергодар**) Украина, Запорожская обл., 56 тыс. чел (2001).

1. **Дар.** *В данный конкретный момент я с мужем в Одессе, в Даре мои родители и мое детство — учителя, одноклассники, любимые места, периодически туда вырываюсь с удовольствием* (блог «Живой журнал». 2007). *Ну вы дайте. Сравнили Энергодар с Днепром* [Днепропетровском]. *Дар — это один большой двор, в котором расставлены коробки* («Городские форумы Днепрупетровска», зап. жит. Днепрупетровска, 2004).

прил. даровский. Нормальное заведение. На твёрдую 4 из 5, в сравнении с другими даровскими, ес[те]с[твен]но. Для Энергодара, конечно, круто (форум «Кураж», зап. жит. Киева, 2008). *...[В] МШ [игра «мозговой штурм»] могут играть кто угодно и когда угодно, а не только наши даровские...* (форум сайта «Ua.En.Cx», зап. жит. Энергодара, 2009).

хрн. даровцы. Я коренной даровец. Скажу: «Долой пока-зуху». Это фотка с какого села? В Даре отродясь нету

деревянных столов... (сайт «Разруха.ru», коммент. жит. Энергодара к фото, 2009).

2. **Энергодыр** *оказ.* (?). *Откуда: Украина, Энергодыр* (форум «Киношник», личные данные). ...*В советские времена с этим на Украине всё было более чем нормально: и металлургия там (включая всяческие ЗТМК и ЗАЛК, из-за которых, собс[твен]но, построили аж целый город по име-*

ни Энергодыр, обслуживающий самую мощную АЭС в мире, по крайней мере до 99-го, пока япониси её не обогнали)... (форум сайта «Глобальная авантюра», зап. жит. Москвы, 2009).

Предполагается также уделить внимание сложностям, которые возникли при составлении словаря и связаны в основном со спецификой материала.

Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка)

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург)

babenko@mail.ur.ru

Словарь текстовые категории идеографическая лексикография

Summary. The report opens the nature of a dictionary as a text which represents the complete speech production made by the author (or the composite author). It possesses textual categories and properties which are characterized by both universality and originality of their display. Categories which are shown in a dictionary in full measure and make it a text, and also those categories which are realized in a dictionary not full or not in the least, are marked. The report is based on the material of ideographical dictionaries.

Современное состояние лингвистики, достижения в изучении человеческого фактора в языке, языковой личности, роли когнитивных процессов в формировании языковой картины мира, а также появление множества словарей нового типа, активное развитие авторской лексикографии позволяют совершенно по-новому взглянуть и на природу словаря как лексикографического произведения.

Словарь традиционно относят к справочным изданиям, хотя в первую очередь он представляет собой созданное автором (или авторским коллективом) завершённое целостное речевое произведение, обладающее всеми необходимыми текстовыми категориями и свойствами, которые характеризуются как универсальностью, так и уникальностью своего проявления в нём.

Прежде всего, следует отметить состав категорий, которые в полной мере проявляются в словаре и делают его текстом. Это следующие текстовые категории: целостность, завершенность, информативность, концептуальность (содержательные категории), связность, членимость, структурность (формальные категории), прагматическая направленность, антропоцентричность (функциональные категории). В то же время в словаре в меньшей степени реализуются такие категории, как модальность, темпоральность, эмотивность, экспрессивность.

Словарь как текст обладает также таким качеством, как социологичность: он связан с определенным временем, эпохой, социальным устройством общества и в то же время выполняет важные социальные функции — информативную, коммуникативную, нормативную, дидактическую. Ему свойственна и диалогичность: любой словарь включается в определенную лексикографическую парадигму, опирается на словарные традиции и является реакцией на другие словари. Одно из основных свойств словаря как текста — единство его концептуальной основы и структурной организации, т. е. единство внутренней и внешней формы. При этом развернутость и последовательность, или логичность, словаря также обнаруживаются и на содержательном и формальном уровнях.

Основная текстообразующая категория — концептуальность — определяет и структурную организацию словаря. Концепция словаря обычно эксплицируется автором или научным редактором словаря во вводной части, где излагаются основные принципы лексикографического описания словарного материала, описывается его макроструктура и микроструктура — основные зоны словарной статьи. В то же время концепция словаря имплицитно присутствует в его структуре, в лексикографических параметрах описания слов.

Структурная организация словаря принципиально отличается от всех других типов текстов прежде всего своей двухчастностью: в каждом словаре есть глобальная внешняя структура — макроструктура, отображающая основополагающие принципы расположения описываемого лексикона в словаре, и микроструктура — внутренняя структура словарной статьи, включающая различные словарные зоны.

Словарная статья является основной единицей словаря как текста. Именно расчлененное расположение словарных статей в словаре, подчиненное определенной жесткой логике, отличает словари от других видов текста.

Словари разных типов отличаются именно по своей структурной организации. Если обратиться к идеографическим словарям, то следует отметить, что их существенное отличие от других типов словарей обнаруживается прежде всего в структурной организации материала, который располагается не по алфавиту (от формы к смыслу), а с учетом репрезентируемых понятий (от смысла к форме). Особенность этих словарей состоит в том, что вводом в них является лексически репрезентируемое понятие. При этом следует отметить, что в словарях разных авторов, а также в словарях, описывающих различные семантико-грамматические классы слов (глаголы, существительные и др.), совокупность категорий разного ранга (суперкатегорий, базовых категорий, субкатегорий), формирующих синопсис словаря, не совпадает. Это обусловлено и объективно — грамматической природой рассматриваемых классов слов, и субъективно — различием концепций, научных подходов авторов-составителей идеографических словарей. Материалом рассмотрения в докладе являются толковые идеографические словари, созданные авторами-составителями проблемной группы «Русский глагол»: Большой толковый словарь русский глаголов (М., АСТ-ПРЕСС. — 2007), Большой толковый словарь русских существительных (М., АСТ-ПРЕСС. — 2005), Словарь-тезаурус синонимов русской речи (М., АСТ-ПРЕСС. — 2007), Большой толковый словарь синонимов русской речи (М., АСТ-ПРЕСС. — 2009), Словарь-тезаурус русских прилагательных (в печати).

В большей степени структурные различия обнаруживаются в толково-идеографических словарях, для которых очень важным является объем информации, включенной в словарную статью, так как предметом лексикографирования здесь становятся слова одной семантической группы, имеющие максимальное количество общих семантических признаков и минимальное количество различительных признаков. Этот фактор, с одной стороны, требует от составителей подобных словарей разработки и использования в лексикографической практике определенных формул, алгоритмов описания лексической семантике близких по смыслу слов. С другой стороны, он требует соблюдения правила гармонизации репрезентируемых в словарной дефиниции квантов информации, соответствующих семной структуре слов и не захватывающих фоновые, энциклопедические знания, т. е. информации, известной носителям языка. Что касается идеографического словаря синонимов, то здесь лексикографическая стратегия меняется, так как приходится давать не только общую для всего ряда семантическую идею, но и формулировать прототипическую семантику, включающую частично фоновые, ассоциативные и энциклопедические знания. Значимость идеографических словарей заключается в том, что в них развертывается в языковых формах картина

мира так, как она существует в национальном сознании, в сознании носителей языка. Вследствие этого содержательная составляющая этих словарей значительно повышается и

они в полной мере являются сокровищницей знаний о мире, а не только выполняют нормативную, дидактическую и справочную функции.

Аббревиатуры иноязычного происхождения: опыт лексикографического описания

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского

labara@yandex.ru

Аббревиатуры иноязычного происхождения, лексикографическое описание

Summary. The problems of lexicographical description of abbreviations by foreign origin are analyzed in the paper.

Предметом исследования являются иноязычные по происхождению аббревиатуры, функционирующие в русском языке новейшего времени в значительном количестве и в весьма разнообразном виде. В некоторых из них мы уже не замечаем их иноязычное происхождение — это кальки, сокращения давно переведенных на русский язык многочленных наименований (*ООН, США*). В других не всегда узнаем аббревиатуры — это иноязычные сокращения, лексикализовавшиеся в родном языке и пришедшие в русский язык в виде самостоятельного слова (*гестapo, лазер*). Есть также аббревиатуры, ставшие таковыми только в русском языке, подвергшиеся в нем сокращению, в языке же оригинала они функционируют в виде развернутого словосочетания (*Госдеп, Совбез*). Значительную группу составляют аббревиатуры, передающие исходное иноязычное сокращение в виде транслитерации или транскрипции (*НАТО, диджей*). Еще одну большую, быстро развивающуюся группу составляют иноязычные аббревиатуры, сохраняющие исходное написание латиницей (*DVD, SMS*). Аббревиатуры всех указанных типов очень активно употребляются в русском языке наших дней, они встречаются всюду, но не всегда мы в состоянии расшифровать их, поскольку главная особенность этой группы — непрозрачность, трудность понимания смысла многих, особенно новых, графически не освоенных русским языком сокращений. В существующих словарях сокращений представлены преимущественно русские аббревиатуры разных типов, в новейших толковых словарях даны некоторые наиболее частотные иноязычные сокращения, не представляющие однако систему в целом. Необходимость создания словаря, отражающего систему иноязычных по происхождению аббревиатур в русском языке давно назрела, и такой словарь разработан [1]. Отражая современные языковые реалии, словарь включает в себя как аббревиатурные заимствования последнего времени, так и сокращения, давно вошедшие в русский язык, устойчиво существующие в нем в самой разнообразной форме. Помимо собственно аббревиатур (инициальных и слоговых), в словаре даны сокращения, лексикализовавшиеся в родном языке и пришедшие в русский язык в виде цельнооформленных, самостоятельных слов, а также заимствованные узловые слова, переосмысленные в родном или в русском языке как квазиаббревиатуры. Включение в словарь такого рода образований позволяет проследить их не всегда очевидное в русском языке аббревиатурное происхождение — в первом случае (*напалм, радар*) либо их псевдоаббревиатурную сущность — во втором случае (*бич, яппи; SOS, SPA*).

Вновь заимствованные аббревиатуры не всегда сразу обретают в русском языке окончательную форму написания, произношения, перевода или толкования, сохраняя на начальном этапе вариантность употребления. Имеющиеся варианты приводятся в словаре в порядке частотности или предпочтительности их употребления. Новизна иноязычных сокращений является иногда причиной неверного толкования и употребления их в СМИ. Примеры ошибочной трактовки ряда аббревиатур приведены в иллюстрациях и снабжены комментариями. Словарь содержит не только систематизированные лингвистические комментарии, но во многих случаях и информацию энциклопедического характера о явлениях, стоящем за конкретным сокращением, поскольку многие сокращения, обозначающие новые или малоизвестные реалии, нуждаются в более широком, чем простая расшифровка, толковании. Объем словника — около тысячи аббревиатур и их производных. Словарь состоит из двух

частей. Первая часть словаря включает аббревиатуры иноязычного происхождения, функционирующие в русской письменной речи в написании кириллицей, вторая часть — в написании латиницей. В тех случаях, когда аббревиатура употребляется в русском языке в написании только кириллицей или только латиницей, она приводится и разрабатывается лишь в соответствующей части словаря. Если аббревиатура встречается и в том, и в другом написании, она разрабатывается в обеих частях словаря и снабжается ссылкой на соответствующую словарную статью в другой части. Порядок расположения аббревиатур в словаре — алфавитный. Инициально-цифровые и условно-знаковые графические сокращения приведены в четырех приложениях.

Структура словарной статьи:

- 1) заголовочная аббревиатура;
- 2) варианты ее написания (через косую линию) или употребление (наряду с синонимом, приводимым рядом в скобках с пометой *т.ж.*);
- 3) помета с указанием сферы употребления (для терминов);
- 4) особенности произношения и ударение (в квадратных скобках);
- 5) способ заимствования (только в части 1) и указание на язык, из которого заимствована аббревиатура;
- 6) оригинал аббревиатуры;
- 7) соответствующее ей развернутое исходное словосочетание;
- 8) перевод и / или толкование (с включением информации энциклопедического характера);
- 9) особенности употребления (комментарий);
- 10) ссылки на другие словарные статьи;
- 11) наличие производных (не включаются сложные слова с аббревиатурным первым компонентом: *ЛОП-заболевание, SIM-карта*, поскольку сочетаемость аббревиатуры зачастую представляет собой открытый ряд, а количество подобных образований неисчислимо, их образцы приводятся в иллюстрациях);
- 12) иллюстрации (выделяемые курсивом) в виде цитат, которые позволяют показать в контексте особенности функционирования определенной аббревиатуры или ее производных в русском языке, расширяют ее толкование.

Позиции 1, 5, 6, 7, 8 являются обязательными, остальные — факультативными.

Указание на произношение в части 1 приводится в тех случаях, когда оно может вызвать затруднение или колебание, в части 2 — когда иноязычная по форме аббревиатура достаточно широко употребляется в русском языке как в письменном, так и в произносительном варианте и произношение это (не всегда соответствующее произношению в языке оригинала) достоверно известно. При отсутствии устойчивой нормы транскрипция пометается знаком*. В транскрипции не учитываются редукция и чередование гласных, оглушение и озвончение согласных. Указанием на произношение не снабжаются: условные графические сокращения, которые при прочтении произносятся полностью; односложные сокращения (в ч. 1), в которых произношение и ударение очевидны и однозначны; иноязычные сокращения (в ч. 2), произношение которых неясно в силу нераспространенности их произносительного варианта в русском языке и отсутствия сведений об их произношении в доступных источниках.

Предлагаемый словарь является первым опытом лексикографического описания группы аббревиатур иноязычного происхождения. Собранный в нем материал может служить

основой для теоретического осмысления и системного описания особенностей функционирования данной группы в современном русском языке.

Литература

1. Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М. (в печати).

О проекте когнитивного тезауруса поэтического языка Марины Цветаевой

И. Ю. Белякова

Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»; Московский педагогический государственный университет

irina.belyakova@gmail.com

Авторская лексикография, когнитивный тезаурус, поэтический язык

Summary. The paper discusses principles of Marina Cvetaeva's cognitive thesaurus. This is a new type for individually-author's dictionary of poetical language.

На современном этапе развития филологической науки и информационных технологий появилась потребность и в новых методологиях, в связи с чем представляется чрезвычайно плодотворным внедрение в область авторской лексикографии разработок и подходов когнитивной лингвистики. Поэтический идиолект М. Цветаевой уже не раз становился предметом анализа с когнитивистских позиций, но это «описательные» исследования, — главный же наш вопрос: как можно формализовать полученные в результате анализа данные и привести их к словарному виду? В общем виде задача состоит в наиболее полном представлении лексикографическими средствами поэтического идиолекта и когнитивного портрета творца этого идиолекта.

Вот некоторые принципы организации словаря нового типа, непосредственно соотносящиеся с объемом информации, которую предполагается заложить в этот лексикографический продукт:

- **таксономический принцип**, предполагающий распределение лексики по понятийным рубрикам (таксонам) с экспликацией связей между единицами таксона и между выделенными рубриками, обеспечивает наглядное представление концептуальной системы автора. Наиболее адекватной формой воплощения таксономического принципа при лексикографическом описании авторского идиолекта нам представляется словарь-тезаурус, являющийся структурированным хранилищем знаний, — таким образом можно говорить о представлении когнитивной системы М. Цветаевой, получающей выражение в способах авторской категоризации и концептуализации явлений внешнего мира и проявлений внутреннего мира автора;
- **принцип полноты**, наследуемый из теории традиционной авторской лексикографии (принцип этот восходит к акад. Л. В. Щербе, который писал о том, что «словарь языка писателя... обязательно должен быть исчерпывающим» [4: 269], и разрабатывался проф. Б. А. Лариним [2: 31]). Когнитивный тезаурус поэтического языка Марины Цветаевой претендует на то, чтобы стать первым полным тезаурусом авторским тезаурусом;
- **референтивный принцип**, имеющий отношение к структурированию отдельной словарной статьи (единицей словарного описания является лексема в совокупности своих словоформ). Этот принцип связан с гипотезой о существовании в языковом пространстве поэтического идиолекта трех типов референтивной соотнесенности: *актуальной, узуальной и виртуальной*. Различия будут связаны с типом денотативного пространства: в первом случае это прямая отсылка к объектам и ситуациям внеязыкового мира; узуальная референция — внутритекстовая, но предполагающая соотнесенность с одним из объектов класса; виртуальная — соотнесенность с объектом, существующим исключительно в текстовом пространстве («притворная референция», по Дж. Сёрлю [3]);
- принцип **представления индивидуально-авторской семантики** словарных единиц. Метафорические переносы, метонимия, сравнительные конструкции и другие трансформации не квалифицируются традиционным способом, а подпадают под рубрику «Когнитивные модели» — в соответствии с теорией Дж. Лакоффа об идеализированных когнитивных моделях [1: 101–107]. Важным для нас является также тезис Лакоффа о высвечивании одних сторон концепта и затемнении других, так как это явление заметным образом проявлено у Цветаевой, — и его также предполагается отмечать в словаре. Например, сравним

два контекста употребления слова «прадед»: *Прадеду — товарка: В той же мастерской! Каждая помарка — Как своей рукой!* («Вся его наука...», Стихи к Пушкину, 3; 1931) и — *Правнуком своим проживши, Кончил — прадедом своим* (Маяковскому, 1930).

В первом случае «прадед» — Пушкин, «товарка» — Цветаева, здесь высвечивается признак символического родства — по «профессиональному признаку», через поэтический дар. Таким образом эксплицируется преемственность поэтов. Во втором случае высвечивается признак «несоответствие времени»: опережение (правнук), отставание (прадед), — речь в стихе идет о самоубийстве Маяковского, которое таким образом оказывается актом консервативным, не прогрессивным, не соответствующим революционной эпохе, которую поэт восславил как человек будущего.

Таким образом выявляется еще одна важная проблема, а именно: выявление и эксплицирование скрытых смыслов, затекстовой и подтекстовой информации. Для этого предполагается выделить в словарной статье зону интертекстуальных отсылок и фоновых знаний, включающих историко-литературный комментарий, сведения биографического характера, способные прояснить скрытые смыслы;

- вспомогательным структурным способом организации словарной статьи в тезаурусе может стать **семантическая сеть**, являющаяся одним из способов представления знаний и представляющая собой информационную модель предметной области, имеющую вид ориентированного графа, вершины которого соответствуют объектам предметной области, а дуги (рёбра) задают отношения между ними. В нашем случае такая модель может отражать индивидуально-авторские преобразования стационарных словарных единиц, а также связи между предметными областями;
- **иерархически-ризоматический принцип** отражает специфику структурной организации авторского когнитивного тезауруса: с одной стороны, понятийные рубрики (таксоны) тезауруса строятся по принципу дерева, предполагающего иерархичность понятий, с другой — лексические единицы могут связываться интертекстуальными отношениями, ассоциативными, метафорическими и др., что предполагает систему взаимных ссылок и укладывается в структуру семантической сети. Множество «входов» в тезаурус, нелинейный способ организации текста напоминает именно ризоматическую систему;
- последний принцип — **гипертекстовый**: словарный гипертекст это не только и не просто большой объем информации по сравнению с бумажным носителем, но и новый способ ее хранения и пользования ею: быстрый поиск, отсылки к текстам, интертекстам, параллельным словникам, упорядоченным в алфавитном или хронологическом порядке, создание семантических сетей, — все эти возможности осуществимы при условии электронной версии тезауруса.

Литература

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 101–107.
2. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 31.
3. Сёрль Дж. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3. С. 34–47.
4. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 269.

Словари толковые и ассоциативные: проблема соотносительности данных

В. Е. Гольдин

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

goldinve@yandex.ru

Толковый словарь, ассоциативный словарь, основное значение, референция

Summary. In a report the factors, leading to contradictions by information of the dictionaries of different types, are discussed between.

1. За последние десятилетия существенно пополнился корпус ассоциативных словарей русского языка, а с конца 2008 г. часть из них стала доступна on-line в Интернете. Параллельно процессу развития русской ассоциативной лексикографии активизировалось использование ее продуктов в различного рода лингвистических и лингвокультурологических исследованиях, прежде всего — при изучении концептов. Однако эффективность привлечения ассоциативных данных к исследованиям этого рода остается в целом невысокой, так как во многих случаях не учитывается специфика ассоциативного материала: его просто присоединяют к материалам толковых словарей в качестве некоторого дополнения. Одной из причин такого положения является неразработанность проблемы соотношения содержания толковых и ассоциативных словарей. В настоящем докладе на конкретном материале рассматривается комплекс причин типичных расхождений между данными толковых и ассоциативных словарей русского языка.

2. Эти причины с определенной долей условности можно разделить на онтологические и методические. К причинам онтологического характера относится прежде всего то, что содержание ассоциативных словарей, материал которых получают в ходе свободных ассоциативных экспериментов, отражает выявляемые путем интроспекции направление и степень связанности лингво-ментальных явлений в сознании человека, тогда как содержание толковых словарей есть результат рефлексии лингвистов над использованием слов в конкретных текстах, в актуальных дискурсивных условиях. Соотношение этих феноменов отчасти сходно с соотношением языка и речи, системы и ее реализации, хотя и не тождественно ему.

Ассоциативные словари фиксируют состояние ментальной сферы человека в момент проведения эксперимента, тогда как временные срезы лексики, описываемой толковыми словарями, существенно зависят от тематической направленности привлекаемых текстов и времени их создания, от того, в каких временных границах, по мнению составителей словаря, язык остается одним и тем же (поэтому, в частности, в словники толковых словарей современного русского языка могут наравне с другими включаться и выходящие из употребления по разным причинам единицы

типа *коворотка* или *ниотколе*, тогда как вероятность их появления в корпусе реакций, фиксируемых современными ассоциативными словарями, существенно ниже. С другой стороны, в свободных ассоциативных экспериментах не ограничен социально-функциональный состав слов и выражений, используемых в ответах испытуемых, и в этом отношении корпус реакций оказывается гораздо более широким в сравнении со словниками неспециальных современных толковых словарей. Значительно богаче он и потенциальными словами (*добровать*, *добровольство*, *добролюбный*, *добрость* и под.)

3. К факторам методического характера, приводящим к расхождениям данных ассоциативных и толковых словарей, относятся специфические установки создателей словарей, заметные влияющие в одних случаях на состав получаемых реакций, в других — на содержание словарных статей. Так, эксперименты показывают, что включение жаргонизма в предъявляемую испытуемому последовательность стимулов обычно повышает вероятность его реагирования жаргонизмами или просторечной лексикой на слова, составляющие продолжение стимульного ряда; использование стимулов, называющих экзотические или просто мало знакомые испытуемым явления, заметно увеличивает долю реакций-гиперонимов в ассоциативных полях таких стимулов. С другой стороны, к расхождениям ведет, например, существующая в русских толковых словарях практика приводить в качестве основных значений некоторых слов содержание одноименных научных понятий, в результате чего теряется мотивация производных значений, а какие-то из значений могут оказаться просто пропущенными, хотя ассоциативный материал указывает на их существование. Яркий пример — расхождение между содержанием статьи ЖИВОТНОЕ в основных толковых словарях современного русского языка и данными русских ассоциативных словарей (Русский ассоциативный словарь, Русский ассоциативный словарь школьников).

Задача сопоставления толковых и ассоциативных словарей не в разделении их данных на «правильные» и «неправильные». Полностью совпадать эти данные не могут, но некоторые закономерные связи между ними имеются. Учет этих связей способствует более эффективному извлечению информации из словарей обоих типов.

Географические названия в современном русском словаре (лингвострановедческий аспект)

О. Н. Григорьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

lonogrig@yandex.ru

Топонимы, метонимия, устойчивые словосочетания, нарицательные существительные

Summary. Place names have a cultural and country-specific value. Some of them became common nouns or took on symbolic significance. Dramatic periods of history, so as Great Patriotic War, were reflected in the name of towns. Idiomatic expressions, which were created on basis of toponyms, are actively used in modern mass-media. Toponyms are also initial basis of metonymies in the diplomatic language.

Географические названия обладают множеством ассоциаций (историко-культурных, литературных), которые знакомы носителю языка, но не всегда известны изучающему этот язык как иностранный. Страноведческая ценность топонима значительно больше информации о том или ином географическом объекте. Обширный пласт историко-культурных и социально-экономических ассоциаций часто остается невоспринятым. Иногда, имея в виду какое-либо историческое событие, автор не говорит о нем, а называет то место, где оно произошло, что составляет основу аллюзий.

Многие топонимы, такие как *Бухенвальд*, *Освенцим*, *Нюрнберг*, *Хатынь*, стали нарицательными после Второй мировой войны. Слово *Сталинград* вошло во многие языки

как символ стойкости и доблести. Город Потсдам известен всем как город, где в 1945 году состоялась Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании. Но в истории Германии Потсдам ассоциируется с прусским милитаризмом, он был второй столицей Пруссии, цитаделью старого пруссачества, позднее германского милитаризма. Это отражается в выражении *der Geist von Potsdam*, которому в русском языке соответствует словосочетание *дух Потсдама*.

В составе устойчивых выражений может происходить семантизация культурного компонента значения топонима. По наблюдениям лингвистов группа фразеологизмов, содержащих географические названия, относительно мало-

численна. Они сложились в глубокой древности, и их глубинный смысл, как правило, не до конца ясен и самим носителям русского языка. Это, например, выражения *язык до Киева доведет, открыть Америку, отправить в Тьмутаракань, содом и гоморра, небесный Иерусалим, галоном по Европам*. Историко-культурная информация содержится во фразеологизмах, образованных от названий улиц и площадей: *кричать во всю Ивановскую; катись колбаской по Малой Спасской*. Лингвострановедческий комментарий должен быть неотъемлемой частью толкования таких словосочетаний.

Географические названия используются для обобщенного обозначения однородных предметов, становясь нарицательными. Это названия животных, изделий (тканей, напитков), предметов: *сенбернар* (порода собак), *циндалли, бордо, херес, мадера, абрау-дюрос, кюрасо* (сорт вина), *боржомы, эссендуки, нарзан* (названия минеральной воды), *мадапо-лама, бостон* (ткань), *бостон* (танец), *болонья* (плащ), *холома, техасы, гаванна* (сигара), *панамы* (шляпа) *манчестер*.

Многие топонимы, сохраняя свое конкретное историко-географическое содержание, хорошо известное специалистам, в то же время отделились от него в быденном языковом сознании. Некоторые из них стали нарицательными и прочно вошли в современную политическую лексику. Это такие слова, как *ходынка* (массовая давка людей в толпе), *Мекка* (место паломничества почитателей кого-чего-н.), *Вандея* (очаг контрреволюции), *Клондайк* (о золотодобыче). Драматические периоды истории получили свое отражение в топонимах-символах: *Сенатская площадь, Лубянка, Хиросима, Чернобыль, Спитак, Беслан* и др.

Прилагательные, производные от топонимов, приобретают яркую образность, характеризуются особой экспрессивностью и образуют идиоматические выражения: *буржундский цвет, цвет шампань, берлинская лазурь, африканский*

загар, малиновый звон, арктический холод, сибирские холода, сибирское здоровье, африканская жара, африканские страсти, лондонский туман, парижский шик, европейский лоск. В последние годы в нашей публицистике очень активно употребляется фразеологизм *гамбургский счет*, по *гамбургскому счету*: по строгому счету, не допускающему никаких подтасовок.

Топонимы выступают как исходная база метонимии в языке дипломатии: страна — правительство или народ страны (*отказ Ирана от своих амбиций*); столица государства — правительство или государство (*ВашиINGTONOM заявляет*); лицо, место, дата — период времени или событие (*дух Хельсинки* — дух решений Совещания в Хельсинки), *чемпион Монреаля* (олимпийских игр в Монреале), *день Бородин* (Бородинского сражения); синтез двух метонимий (*сдать Грецию, Рим* — экзамены по истории Греции, Рима).

Таким образом, топонимы, как и любая лексическая единица, могут приобретать стилистические коннотации. Это происходит за счет их способности подвергаться метонимическому и метафорическому переносу.

Литература

1. Брагина А. А. От номенклатурного знака к названию предмета // Русский язык в школе. 1970. № 6.
2. Голев Н. Д. Мотивационные типы ономастических образований в художественной литературе и публицистике // Номинация в ономастике: Сб. статей / Под ред. М. Э. Рут. Свердловск, 1991. С. 51–60.
3. Грузберг Л. Концепт, или Почему Америка — концепт, а Финляндия — нет? // Филолог. № 1, 2002. С. 58–61.
4. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. Редакционно-издательское оформление издания. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2003.
5. Успенский Б. А. Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // Вопросы философии. 2004. № 6.

Из опыта создания Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики

А. Зайнулдинов

Барселонский университет (Испания)
andrei.zainouldinov@ub.edu

Э. Ф. Керо Хервилья

Гранадаский университет (Испания)
efquero@ugr.es

Summary. This paper establishes the bases for undertaking a contrastive analysis of evaluative vocabulary in general, and further proposes a contrastive analysis of lexical items in Russian and Spanish which reflect a negative and positive evaluation of objects and events.

1. Введение

В рамках огромного многообразия словарей различного типа, представленных в современной лексикографической практике, авторами предложен новый тип словаря, посвященный выражению эмоциональной оценки как разновидности прагматической языковой информации, «*Русско-испанский словарь эмоционально-оценочной лексики*». Словарь ориентирован, в первую очередь, на иностранных учащихся, для которых прагматический аспект языкового значения лексических единиц особенно сложен.

В настоящем *Словаре* анализируются лексические единицы, выражающие тот или иной вид эмоциональной оценки. При этом лексические единицы включают жаргонные слова и значения, что позволяет представить потенциальное развитие оценочной семантики данного лексического пласта. Источниками языкового материала русского языка послужили словарные иллюстрации толковых словарей: *Словаря русского языка* Ожегова, *Толкового словаря русского языка* Ушакова, *Словаря современного русского литературного языка* в 17 томах, *Словаря русского языка* в 4 томах, *Толкового словаря русского языка конца 20 века*; *Словаря московского аргю: материалы 1980–1994 г.* Елистратова, *Этимологического словаря русского языка* Фасмера а также цитаты из произведений русской художественной литературы и публицистики.

Выборка основного корпуса лексических единиц проводилась на основании лексикографических помет, языковой интуиции авторов как носителей языка, лингвистических

критериев выделения эмоционально-оценочной лексики. Сплошная выборка составила более 6500 лексем и лексико-семантических вариантов слов и более 10000 словоупотреблений. Источниками языкового материала испанского языка послужили собственные переводы примеров с русского языка на испанский и словарные иллюстрации *Словаря испанской королевской Академии* в 2-х томах.

Формирование корпуса Словаря оказалось невозможным без разрешения на теоретическом и практическом уровне ряда проблем, связанных с трактовкой *эмоциональной (эмотивной) оценочности*. Выражение эмоциональной оценочности, положенное в основание предлагаемого словаря, определило необходимость теоретического обоснования категории эмоциональной оценки в связи с обилием различий в рамках существующих лингвистических теорий.

Авторами выдвигается тезис, что возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание; другими словами, *эмоциональная оценка* может быть определена через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных. (См. замечание Вежбицкой о возможности и необходимости создания модели универсальных семантических примитивов как инструмента исследования естественного семантического языка [2: 86].)

В качестве критерия возникновения эмоциональной оценки на лексическом уровне предложена значимость внутренней формы лексических единиц (семантическая и словообразовательная мотивированность).

Эмоциональная оценка определяется как отражение эмоционального мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить взаимоотношение категорий *Экспрессивность*, *Эмоциональность* и *Эмоциональная оценочность*: все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны.

Исходя из позиции авторов, компонентами *Эмоциональной оценки* являются: метафорическая образность, интенсивность выражаемого признака, звуковая образность и словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением.

2. Виды эмоционально-оценочных помет

Выделяются следующие виды эмоционально-оценочных помет:

Положительная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как:

- дружелюбное отношение // *relación afectuosa*;
- ласковое отношение // *relación cariñosa* (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности);
- одобрение // *arrobación*;
- восхищение // *entusiasmo* (разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности).

Отрицательная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как:

- неодобрение // *desaprobación*;
- крайнее неодобрение // *total desaprobación* (разница по сравнению с неодобрением в интенсивности);
- пренебрежение // *menosprecio* (наличествует позиция сверху вниз со стороны субъекта оценки);
- уничижение // *reogrativo* (дополнительная семантика уменьшения объекта оценивания).

3. Статья русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики

В одну статью сводятся:

1. Принадлежность слова к той или иной грамматической категории;
1. Стилистические пометы;
1. Вид эмоционально-оценочной пометы;
1. Описание значений лексической единицы;
1. Эквивалент в испанском языке;
1. Переводится пример с русского языка на испанский;
1. Дается первоначальное значение лексической единицы.

Пример из *Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики*:

ОСЁЛ: 1. Sust. m. 2. Coloq. 3. Total desaprobación. 4. Fig. Persona obstinada; tonto. 5. Burro, tonto, imbécil. 6. *Этому ослу ничего не докажешь. // A ese burro no le vas a poder demostrar nada; Вот, например, у нас голова — совершенный осёл! Тупица непроходимая! // Mira, por ejemplo, nuestro alcalde es un burro (imbécil). ¡Un tonto de remate!* (Тургенев. *Новь*).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблема интенциональности. М., 1988.
2. Вежбицкая А. Русский язык. // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 33–88.
3. Мокшенок В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
4. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
6. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. Вып. 14. М., 1983. С. 23–60.

«Словарь русского языка XIX века»: проблемы и перспективы дифференциального описания и изучения лексики*

В. Н. Калиновская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

kalinovskaiavn@yandex.ru

Русский язык XIX века, историческая лексикология и лексикография

Summary. This paper focuses on some relevant issues of historical lexicology and lexicography. Drawing on the experience of compiling a differentiated glossary for *The Dictionary of the Russian Language of the 19th Century*, the author writes about so-called “dynamic layers” in the body of Russian lexis, as well as the prospects for describing and studying them.

Идея создания исторического «Словаря русского языка XIX века» как словаря дифференциального типа ([4], см. также на эту тему: [1]; [2]) несмотря на все сложности, которые возникают на пути ее реализации, связанные с отсутствием подобного лексикографического опыта в прошлом, с огромным объемом текстового материала, подлежащего соответствующей филологической обработке, оказывается чрезвычайно продуктивной, поскольку позволяет уже в ходе работы над словарем обозначить динамические зоны в развитии лексико-семантической системы языка на определенном хронологическом срезе. Результаты, которые удается получить в процессе составления словаря будущего, позволяют надеяться на ускорение в решении важной задачи построения исторической лексикологии русского языка нового времени — от чего во многом зависит и построение истории русского литературного языка, начиная с послепетровской эпохи, и формирование более верных представлений о ведущих тенденциях эволюции словарного состава русского языка на протяжении XIX века, их объективная оценка, и, как ни покажется странным на первый взгляд, понимание сущности современной языковой ситуации.

Формирование (на основе дифференциального принципа) словаря — один из самых важных этапов работы по осуществлению данного проекта. Самым существенным моментом в работе над дифференциальным словарем становится выявление динамических звеньев лексической системы, которые, собственно, и являются предметом

лексикографического описания. Разработанные авторским коллективом методики обработки имеющейся в его распоряжении эмпирической базы Словаря (Большая картотека Словарного отдела ИЛИ РАН, картотека и Словарь русского языка XVIII века, картотека Словаря русского языка XIX века, электронный корпус текстов XIX века, другие источники) дают материал для исследований лексики и фразеологии русского языка по самым разным аспектам.

Итогом анализа словаря стали обнаружение целостных групп слов со стойкими внутренними связями, выявление тех компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом [3], а также создание условий для интерпретации причин, механизмов и прогнозирования языковой эволюции.

Среди таких динамических зон, прежде всего, следует выделить лексическую неологию, являющуюся результатом прямых заимствований и активных словообразовательных процессов. Изучение данного фрагмента системных изменений позволяет выявить основные направления «языкового расширения»: рост номинаций в области отвлеченных понятий (*абсолютность, абстрактность, автономность, вместимость, виноватость, гражданственность, гуманность, консерватизм, ответственность* и др.), формирование тематических групп лексики и терминологических рядов, связанных с различными новыми областями научно-практической и хозяйственной деятельности людей (например, *аэроном, анестезия, гипноз* и их производные), приток

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-00151а «Словарь русского языка XIX в.: формирование словаря».

лексики, обозначающей новые реалии XIX века из разряда предметов быта (*абазур, консервы, макароны* и др.), являющийся литературы и искусства (*акварель, романтизм, журнализм, пресса* и др.), научных и технических открытий (*автомобиль, дагерротип* и др.), сложение новых пластов эмоционально-оценочной лексики и новых актуальных средств изобразительности за счет открытия абсолютно иных источников образности (*аббатство, aberrация, амфибия, амeba, амфитрион, водянистый, воздушность, возмутительность, микроскопический, меркантильный, пугало, щепетильный* и др.).

Указанный принцип формирования словаря значительно облегчает задачу выбора слов для изучения их системных связей, отношений, исходя из признаков структуры слова, соответствующей смысловой общности с другими родственными образованиями. Следующим звеном в динамической цепи системных преобразований являются растущие словообразовательные связи как новых слов, так и употреблявшихся ранее. Сопоставление словообразовательных гнезд, изучение их динамики позволяет установить наиболее продуктивные для конкретных периодов развития языка словообразовательные типы и модели, выделить основные тенденции в этой сфере: устранение вариантности и процессы словообразовательной дифференциации (ср. *гуманный, гуманистический, гуманитарный*), усиление абстрактного начала (ср. *абдикировать* и *абдиковать, эфиризировать* и *эфировать, абонирование* и *абонировка, ангажирование* и *ангажировка*) и т. д.

Сергей Иванович Ожегов: личность, МГУ, творческие замыслы

А. Н. Качалкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Для большинства из собравшихся Сергей Иванович Ожегов — это, прежде всего, одотомный, выдержавший двадцать семь изданий, имеющий семимиллионный тираж «Словарь русского языка». Многим из нас трудно вспомнить об этом человеке хоть что-нибудь, кроме главного его труда. Действительно, «Словарь русского языка» явился плодом его сосредоточенной двадцатилетней работы, стал делом столь значимым для его современников и для последующих поколений, что оно заслонило от нас и личность, и биографию, и иные творческие замыслы его создателя.

С. И. Ожегов (1900–1964 гг.) — ровесник двадцатого века. В 1920 г. он командовал кавалерийским полком, в 1922 г. получил путевку в военную академию, перед ним открывалось блестящее будущее военного, но, по его словам, он «от военной карьеры бежал в Петроградский университет», учился у С. П. Обнорского и Н. Я. Марра. Молодой талантливый исследователь, в числе своих первых научных опытов предложивший «Проект словаря революционной эпохи», был рекомендован в аспирантуру профессором В. В. Виноградовым, и это представление поддержали профессора Б. М. Ляпунов и Л. В. Щерба.

После окончания аспирантуры С. И. Ожегов работает в ленинградском Институте искусства слова, а с 1928 г. он увлекается работой над большим проектом — «Толковым словарем русского языка», — «Ушаковским словарем», как назвали его позже, — вместе с соратниками Д. Н. Ушакова В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариним, Б. В. Томашевским. Современники, наблюдавшие работу по созданию словаря, говорили, что Д. Н. Ушаков был душой этого словаря, а С. И. Ожегов — его пружиной. Сам же Дмитрий Николаевич называл Сергея Ивановича «движителем словарного дела».

Вскоре С. И. Ожегов окончательно переезжает в Москву для более тесного сотрудничества с коллективом составителей. Д. Н. Ушаков был одним из активных организаторов знаменитого Московского института философии, литературы и искусства (МИФЛИ), ставшего через 6 лет после его создания филологическим факультетом МГУ, и именно по совету Дмитрия Николаевича, сразу после своего переезда в Москву в 1936 г. С. И. Ожегов начинает преподавать студентам-филологам Московского университета и непрерывно ведёт её до 1955 г. В последние годы войны Сергей Иванович был заместителем декана филологического факульте-

Создаваемый на основе указанного принципа словарь позволяет сформировать для последующего детального лексикологического изучения пласты лексики, эволюционирующей в семантическом (развитие переносных, образных значений, сужение или расширение семантики и т. п.) и функционально-стилистическом отношении (изменение стилистической окраски, сферы употребления, частотности и других параметров употребления), установить взаимодействия между отдельными группами слов (синонимические связи, антонимии).

Наконец, дифференциальный словарь, учитывающий хронологические параметры истории слова (первое употребление в тексте, частотность по десятилетиям, первую лексикографическую фиксацию), дает материал для установления циклов словарного развития, периодов медленно, эволюционного развития и переломных моментов, качественно меняющих лексическую систему языка.

Литература

1. Калиновская В. Н. «Словарь русского языка XIX века» как особый тип исторического словаря // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005. С. 25–29.
3. Калиновская В. Н. Что может дать дифференциальный исторический словарь? (Из опыта работы над словарем «Словаря русского языка XIX века») // Вестник РГНФ. 2009. № 3.
3. Ларин Б. А. Очерки по истории слов в русском языке. Вводная заметка // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 43–45.
4. Словарь русского языка XIX века. Проект. Л.: Наука, 2002.

та, академика В. В. Виноградова. С. И. Ожегов слился с Москвой, но все же даже годы спустя любил бывать в городе своей юности и гостить у своего проверенного друга, талантливейшего ленинградского филолога Б. А. Ларина.

В доме Сергея Ивановича очень естественно проявлялось широкое, истинно русское гостеприимство. Гости к нему приходили и по делу и просто так. Его сын писал о гостях, что «это был удивительный kaleidoscope лиц и характеров: от ученых с мировым именем до скромных, застенчивых студентов... За столом неизменно царил специфический московский дух свободно льющейся беседы, откровенной, живой, с обсуждением профессиональных и житейских тем».

В военные годы С. И. Ожегов остался в Москве, дежурил в ночных патрулях, охранял дорогой ему дом — впоследствии Институт русского языка. (В эти годы С. И. Ожегов исполнял обязанности директора Института языка и письменности.) Продолжая работу в Московском университете, он подготовил курс русской палеографии и преподавал его студентам пединститута. Желая быть возможно более полезным стране, вместе с другими оставшимися коллегами он организует языковедческое научное общество, изучает язык военного времени.

17 апреля 1942 г. скончался Д. Н. Ушаков; память его почтили специальным заседанием пребывавших в Москве сотрудников филологического факультета Московского университета и Института языка и письменности. Сам С. И. Ожегов, по воспоминаниям современников, сделал волнующий искренней задушевностью доклад о личности Д. Н. Ушакова и о главном деле своего учителя, впоследствии соратника, — о «Толковом словаре русского языка», получившем высокую оценку советского правительства. «Что способствовало удаче ушаковского словаря?» — поставил в своем докладе вопрос Сергей Иванович. И так ответил на него: «Мне кажется, что его создали три условия. Первое — это внутренние свойства Д. Н. как человека и учёного. Второе — это характерное для всех научной деятельности Д. Н. вообще — умение найти в нужный момент наиболее актуальную проблему науки и русского просвещения. И, наконец, — третья — это богатейший учёный опыт Д. Н., учёная интуиция, тонкое живое знание русского слова и его духа».

Но вот идея Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова о совместном создании одотомного, рассчитанного на широкий круг

читателей словаря осуществиться так и не удалось. Эвакуировавшись в октябре 1941 г. в «академическом вагоне» в Ташкент, Д. Н. Ушаков завещал исполнение задуманного словаря своему соратнику.

В период напряженной работы над однотомным словарем Сергей Иванович настойчиво ищет объективные основания для определения литературной нормы: «Настоятельно возникает вопрос о нормах литературного языка, о целесообразной нормализации того, что еще не отлилось в устойчивые формы. Разрешение вопроса о лексических, стилистических, грамматических, произносительных нормах литературного языка становится необходимой предпосылкой для разрешения общей повышения культуры речи». И он внимательно следит за работами, посвященными современному состоянию литературной речи в плане исторического развития русского языка (у С. П. Обнорского), теоретическим основаниям нормализации языка (у Е. С. Истриной), практическим рекомендациям ораторам, нуждающимся в повышении культуры публичной речи (у А. И. Ефимова и др.).

Сын Сергея Ивановича Ожегова, Сергей Сергеевич, так вспоминал о работе отца над словарем: «Работа начиналась как коллективная, но постепенно соавторы один за другим отпали. Тем не менее, отец считал необходимым упомянуть Г. О. Винокура и В. А. Петросяна как участников работы над первым изданием «Словаря русского языка», вышедшем в 1949 г. Насколько я знаю, их вклад в работу, так же, как и вклад главного редактора, академика С. П. Обнорского был незначительным, даже просто номинальным. Отец являлся по праву единственным автором словаря, которому была суждена долгая жизнь и мировая известность».

В самом деле, сколько людей и сколько раз при возникновении сомнения в употреблении или правописании слов говорили: «посмотрим у Сергея Ивановича», «спросим у Сергея Ивановича» или рекомендовали другим: «сверьтесь со словарем Ожегова».

И к Д. Н. Ушакову и к С. И. Ожегову могут быть отнесены слова Н. В. Гоголя: «Объяснительный словарь есть дело лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключил в своей природе к тому преимущественные, особенные способности, носил бы в себе самом внутренне ухо, слышащее гармонию языка. Явления таких лингвистов всегда и повсюду бывали редки». Л. В. Щерба, и теоретик и серьезный практик лексикографии, говорил, что «словарная работа, как основанная исключительно на семантике, требует особо тонкого восприятия языка, требует совершенно особого дарования».

Жизнь убеждает, что Сергей Иванович как раз для того и родился, чтобы составить объяснительный (толковый) словарь, «заключил в своей природе преимущественные способности» и благодаря «особо тонкому восприятию языка», сочетанному с колоссальным кропотливым трудом в исключительно сложных условиях сумел создать *Словарь*, навсегда заслуживший благодарность и уважение тех, кому по-настоящему дорог русский язык.

Однотомный словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым, вышел в 1949 году. Первое издание этого, ставшего уже классическим, «тезауруса» сразу же обратило на себя внимание читателей, ученых и критиков. С. И. Ожегов получал сотни писем с просьбами прислать словарь, объяснить то или иное слово. Многие обращались к нему за консультацией — и никому ученый не отказывал.

С. И. Ожегов удостоился не только заслуженной похвалы и спокойной объективной оценки, но и весьма тенденциозной критики. 11 июня 1950 г. газета «Культура и жизнь» опубликовала рецензию некоего Н. Родионова с характерным названием «Об одном неудачном словаре», где автор, подобный критикам ушаковского времени, пытался опорочить «Словарь», применяя все те же политические методы устаревания. С. И. Ожегов написал ответное письмо редактору газеты, а копию послал в «Правду». В своем 13-тистраничном послании С. И. Ожегов не унижал горе-рецензента, а предъявлял ему обоснованно жесткую аргументацию, основанную на научных филологических принципах — и в итоге одержал победу.

Редкая популярность, массовость самого издания нравились далеко не всем. Ожеговские недоброжелатели из околонаучной и, к сожалению, части научной среды заявляли, что Ожегов — не ученый, что он пишет лишь статьи, а не

толстые книжки на научные темы, обвиняли Ожегова в том, что его словарь — лишь «краткий Ушаков», «сокращенный четырехтомник», не всматриваясь в словарь серьезно, не видя или не желая видеть ни оперативно отраженных новых явлений в языке в виде слов и семантических неологизмов, ни емкой структуры толкований, ни экономности оправдательных цитат (преимущественно в виде авторских речений), ни свежего состава стилистических помет, ни многотомной «прелести новизны» в этом новом типе толкового словаря.

Дело в том, что Сергей Иванович не стремился раскрывать себя внешнему миру, по крайней мере, раскрывать полностью. Он никогда не подгонял себя под некий шаблон ученого своего времени. Он действительно не дорожил наукой, отвлеченной от реальной жизни, но ценил науку, имеющую прямую связь с этой жизнью, стремился поскорее передать другим то, что сумел узнать сам. Сергей Иванович не вступал в коммунистическую партию, не был лауреатом государственной премии, не был отмечен другими высокими наградами. Однако он сам себе поставил памятник: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — не «толстая книга», а подлинная сокровищница научного знания о русском языке, необходимая для практики просвещения и для представления в поколениях языкового содержания эпохи XX века.

В речи С. И. Ожегова не бывало ничего лишнего, и не случайно познакомившийся с ним еще в 1934 году А. А. Реформатский отметил, что Сергей Иванович «не болно речист». Ставший со временем самым близким другом Сергея Ивановича, профессор А. А. Реформатский, глубоко скорбю по поводу безвременной кончины исключительно близкого ему человека говорил так: «Сергей Иванович был очень цельным и своеобразным человеком. Он был не только русистом в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах... Всегда благожелательный к окружающим и внимательный к людям, кто бы к нему не приходил, Сергей Иванович подкупал своей удивительной простотой и добротой, окрашенной мягким юмором», что, добавим, проявлялось и по отношению к проходящим у него вучку молодым коллегам по сектору культуры речи.

Что же касается немногословия в речи, то оно было результатом постоянного контроля над своими действиями, поступками, тоном голоса и, конечно же, сущностным содержанием высказываемого. Общественное дело для Сергея Ивановича, как и для Дмитрия Николаевича, было неотделимо от его личных качеств. Опытный и тонкий знаток живой русской речи, сам он не мог позволять себе ни малейших отклонений от принятых по жизни морально-этических норм поведения и речеведения. Сергей Иванович старался быть всегда выдержанным и справедливым по отношению к своим критикам и даже критиканам, но это самообладание, необходимость во всех ситуациях владеть собой стоили ему очень многого.

Дух подвижничества и любви к родному языку — неотъемлемые качества всей жизни С. И. Ожегова. Своим словарем он дал направление в разработке новых жанров толковых одноязычных словарей, примером чего можно назвать подготовленный Н. Ю. Шведовой «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» (2007 г.).

При жизни ученого Словарь выдержал 4 издания и Сергей Иванович Ожегов над каждым из них тщательно работал, анализировал и исправлял неизбежные недочеты. Словарь в общей сложности выдержал 27 изданий, получивший общий тираж в 7 миллионов экземпляров. Его справедливо называют лексикографическим эталоном, жизнь которого продолжается и сейчас. Трудно назвать другое такое издание, которое было бы столь популярно, и не только из-за его фонда слов и продуманной концепции, идущей со времени совместной деятельности с Д. Н. Ушаковым, но и из-за постоянной кропотливой работы грамотного «осовременивания» словаря.

С начала шестидесятых годов Сергей Иванович говорил: «Всю жизнь я думал, что лексикография — это наука. А теперь все больше убеждаюсь, что составление словаря — искусство», возможно, подразумевая под этим творческую манеру воспроизведения действительности в слове, по возможности образное — впечатляющее и запоминающееся —

изображение ее, некое художественное конструирование словарной статьи и самого словаря.

20 марта 1964 года С. И. Ожегов пишет в издательство «Советская энциклопедия»: «В 1964 году вышло новое стереотипное издание моего одготомного „Словаря русского языка“... Я считаю необходимым подготовить новое переработанное издание... я предполагаю внести ряд усовершенствований в словарь, включить новую лексику, вошедшую за последние годы в русский язык, расширить фразеологию, пересмотреть определения слов, получивших новые оттенки значения... усилить нормативную сторону словаря».

Могу определенно сказать, что в этом письме в издательство перечислены не все намерения Сергея Ивановича по усовершенствованию словаря. Именно в марте 1964 г., непосредственно после похорон близкого друга Бориса Александровича Ларина (мы были на этом скорбном событии вместе) С. И. Ожегов поделился со мной намерениями серь-

езно изменить структуру словарной статьи своего словаря. «Каждое приводимое в словарной статье значение слова, — говорил он, — должно *просто* восприниматься, *глубоко* пониматься и *легко* воспроизводиться пользователем словаря, чтобы он лучше представлял себе реальное место каждого слова в современной коммуникации». С. И. Ожегов предполагал, что на каждое из разных значений многозначного слова должны быть представлены, пусть небольшие, в два-три слова синонимические ряды, указаны возможные антонимы, а переносные значения слова подтверждались бы возможно более образными речениями (авторскими примерами).

Эти рекомендации выдающегося лексикографа должны быть восприняты и осуществлены талантливым филологом нового поколения, морально готовым на тот подвиг, который совершил Сергей Иванович Ожегов. Очень хочется надеяться и даже быть уверенным, что среди собравшихся на наш Конгресс такой человек — присутствует.

К вопросу о функционально-когнитивном словаре

Л. П. Колоколова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Бишшевой

kollidia@rambler.ru

Словарь, функционально-когнитивная сфера, антропоцентризм, суперконцепт

Summary. The paper is devoted to the lexicography study. A new approach is given to analyse a systemic character of lexicon, the principles of compiling of functional-cognitive dictionary — ideographic dictionary of a new type are described.

В последние десятилетия в лингвистике получило широкое распространение функционально-когнитивное направление, которое обратилось к изучению функций языка в полном объеме и выдвинуло в качестве приоритета изучение речевой деятельности. Развернутый прогноз динамики предполагает то, что будучи антропоцентричной, она получит широко выраженную функциональную ориентацию, что позволит создать новую таксономию и новую типологию языков — коммуникативную. В настоящее время происходит постепенная смена парадигмы, обусловленная изменением основных представлений о языке и использование нового инструментария его описания. Общим развитием лингвистики обусловлена необходимость переориентации лексикографических исследований на деятельностную и когнитивную параметризацию словарного состава языка. Когнитивный подход распространяется в первую очередь на лексикографию. Самые первые словари были ориентированы на представление лексики группами, объединяющими семантически однородные слова. Идеографический способ описания словарного состава является самым древним. Современный уровень лингвистических знаний позволяет рассматривать вопросы систематизации лексики с новых позиций — с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и упаковки информации в памяти человека с помощью лексических средств, что осуществляется не только на уровне слов, но и на уровне языковых единиц более высокого ранга. Функционально-когнитивный подход изучает язык в действии и дает возможность обнаружить такие свойства лексических единиц, которые уже изначально предопределяют их поведение в речевой коммуникации. Предметом анализа при этом становятся конкретные языковые единицы, предназначенные для выполнения определенных функций в процессе речевого общения.

Одна из главных задач современной лексикографии состоит в том, чтобы приблизить человека к словарю, довести словарь до человека, приблизить его структуру, содержание, механизм функционирования к тем потребностям, с которыми к словарю обращается носитель языка или человек, изучающий язык как неродной. Этим задачам может отвечать функционально-когнитивный словарь активного типа, в котором классификация вокабуляра производится с учетом коммуникативной деятельности человека, т. е. живого употребления слов.

Функционально-когнитивный словарь построен с учетом новых направлений теоретических разработок лексикологии и практической лексикографии. В отличие от алфавитных словарей, выполняющих справочную функцию, в словарях активного типа лексика описывается с опорой на речевую деятельность и типы знаний, которые «усредненный» носитель языка использует в речевой коммуникации. Основ-

ная идея словаря заключается в представлении лексического состава языка в виде объемных функционально-когнитивных сфер («жить», «двигаться», «говорить», «видеть», «слышать», «работать» и т. д.) и входящих в их состав семантических полей, словообразовательных гнезд, синонимических рядов, антонимических пар. В словаре предлагается методика идеографической классификации лексики с ориентацией на когнитивность, антропоцентризм и речевое употребление языковых единиц.

Функционально-когнитивная классификация материала отражает путь мысли, возникающий в сознании говорящего — от смысла (информации) к средствам его выражения, и показывает, как функционирует лексический материал в речи. Когнитивный подход дает возможность объединить в одном словарном блоке все типы знаний, которые связаны с одним общим понятием (концептом) и необходимы человеку для общения.

Словарь содержит разные функционально-семантические разряды лексики: в сфере существительных наименования со значением лица (субъекта), орудия, средства действия, локальности и др.; в сфере глаголов — обозначения движения, бытия, местонахождения, действия и состояния; в сфере прилагательных — слова со значением качества и оценки. Каждый из указанных разрядов ориентирован на вхождение в определенные сферы лексики и употребление в моделях предложения с типичной для них функцией. Таким образом, в словарном составе языка выявляются большие массивы слов, функционально ориентированных, т. е. предназначенных для выполнения определенных функций в процессе речевой коммуникации.

Конечная цель словаря состоит в научнообоснованной систематизации лексического состава языка и разбиении его на объемные разряды, в качестве основы которых выступает глобальный макроконцепт, объединяющий вокруг себя лексемы с соотносительными или близкими значениями, «перетекающими» из одной семантической области в другую.

Функционально-семантическая сфера выступает как языковая универсалия и может использоваться при сопоставительном изучении языков, поскольку глобальные концепты (по терминологии А. Вежбицкой — семантические примитивы) являются общими для всех языков. В их конкретной реализации выделяются универсальные и идиоэтнические элементы значения. Это проявляется в направлениях актуализации концепта, в линейных и векторных соответствиях лексических элементов в разных языковых системах. Функционально-когнитивная сфера выступает в качестве основы для создания двуязычного и многоязычных словарей.

Основу функционально-семантической сферы составляет суперконцепт — глобальная семантическая категория, организующая определенную область словаря. Суперконцепт

представляет собой семантический потенциал единицы до ее реализации в речи, который получает то сжатое, то развернутое представление в разных языковых единицах. Он имеет организованную динамическую структуру, состоящую из базисного элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов.

Суперконцепт, обобщая значение всех слов определенно-го смыслового пространства, выступает в качестве семантической категории наиболее высокой степени абстракции, имеющей большой функционально-когнитивный потенциал и «притягивающей» к себе блоки лексем разного объема. В качестве суперконцептов выступают такие понятия, как «жить», «работать», «двигаться», «говорить», «видеть» и др., служащие основой для реконструкции объемных функционально-когнитивных сфер.

В концептуальной сети проявляется все многообразие типов знаний человека, связанных с тем или иным концептом,

и все аспекты его конкретизации, реализуемые в различных блоках лексем. Концептуальная сеть формируется на базе смысловых отношений между общим знанием концепта и более частными значениями.

По нашему глубокому убеждению, функционально-семантическая сфера представляет собой принципиально новый лексикографический тип, если под этим понятием иметь в виду группу лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, синтаксическое, сочетаемое и т. п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания и которое требует поэтому единообразного описания в словаре.

Итак, можно надеяться, что намеченные пути динамического описания функциональных сфер будут способствовать составлению функционально-когнитивного словаря — идеографического словаря активного типа.

Семантические классы прилагательных в электронном семантическом словаре*

Г. И. Кустова

Московский педагогический государственный университет

galinak03@gmail.com

Семантический класс, прилагательное, электронные словари и базы данных

Summary. The report is devoted to the semantic classification of adjectives in electronic semantic dictionaries. Characteristic meanings of adjectives in a context of abstract nouns are 'evaluation' and 'high degree'.

О наступлении эпохи семантических словарей свидетельствует появление многочисленных лексикографических изданий, где слова объединены в семантические классы и в рамках каждого класса получают единообразное толкование, включающее одинаковые семантические компоненты (ср. многотомный «Семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой, идеографические словари глаголов (1999) и существительных (2005) под ред Л. Г. Бабенко, семантический словарь предикатной лексики (2000–2003) Л. М. Васильева). По тематическим и семантическим классам слова сгруппированы также в некоторых современных фразеологических и синонимических словарях (ср. «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (2007) под ред. О. Н. Баранова и Д. О. Добровольского с тематическими классами «время», «пространство», «движение», «количество», «эмоции», «речь» и др.; фразеологический словарь Р. И. Яранцева (2006) с классами «Эмоции», «Свойства и качества характера человека», «Характеристика явлений и ситуаций»; «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» (2007) и «Большой толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание» (2008) под ред. Л. Г. Бабенко с классами «природа», «человек как живое существо», «эмоции», «речь», «интеллект», «социальная деятельность», «быт» и др.). Следующим (естественным и неизбежным ввиду распространения компьютерных технологий) этапом будет создание электронных семантических словарей (они уже начали появляться, ср. словари на сайте ИРЯ РАН, в числе которых — два семантических). В принципе, электронные словари (базы данных, далее — БД) могут содержать ту же информацию, что и бумажные словари, — грамматические характеристики, толкования (их можно брать из существующих электронных версий словарей), иллюстративные примеры (их можно в онлайн-режиме получать из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), как это предусмотрено для некоторых словарей на сайте ИРЯ РАН). Однако одним из главных и непреходящих признаков семантического словаря является семантическая классификация лексики, которая в электронной базе данных существует в виде семантической разметки: единицы в словаре снабжаются пометами семантических классов. Поскольку семантика влияет не только на парадигматические, но и на синтагматические связи языковой единицы, желательно, чтобы пометы отражали и учитывали оба типа связей.

Что касается парадигматической, так сказать тезаурусной, классификации, то ее основные таксоны естественно было

бы соотносить с семантической разметкой НКРЯ. Она является многоярусной: например, прилагательные делятся на качественные и относительные, далее выделяются семантические классы (место, направление, время, возраст, цвет, размер, запах, вкус, скорость и под.) и подклассы. Учет синтагматических связей выражается по меньшей мере в двух типах информации: 1) с какими семантическими классами существительных сочетается прилагательное (что, в свою очередь, предполагает включение в базу существительных с разметкой их семантических классов), 2) как меняется значение прилагательного (к какому семантическому классу относится производное значение) при сдвиге сочетаемости.

Хорошо известно, какие сложности возникают при разметке не-первых, производных значений. Основные классы качественных прилагательных невелики по количественному составу, но они очень важны, т. к. в исходных «физических» значениях они обозначают основные параметры и признаки физических объектов: размер (величина, длина, ширина, высота, глубина); цвет, температуру, вес (а также процессов — скорость, звук). Именно эти прилагательные «основного фонда» (*широкий — узкий, высокий — низкий, горячий — холодный, глубокий — мелкий, чистый — грязный, тяжелый — легкий* и под.) наиболее многозначны. В переносных значениях они характеризуют объекты и ситуации эмоциональной, ментальной, социальной сферы. Классификация этих объектов и ситуаций (и соответствующих абстрактных существительных) сама по себе является непростой семантической задачей, но сейчас мы затронем лишь один ее аспект — синтагматические связи с прилагательными.

Среди абстрактных существительных можно выделить два больших класса: одни являются синтаксическими дериватами слов других частей речи — прежде всего речь идет об отглагольных существительных (*проведение, заливка* и под.). Их сочетаемость большой проблемы не составляет, т. к. она, в основном, наследуется от производящего слова. Другие обозначают специфические параметры и характеристики человека и социума (*аппетит, способности, обязанности, интересы, популярность, дисциплина, контроль, запрет*), а также являются интерпретационно-оценочными обозначениями поступков и ситуаций (*предательство, злодеяние, несправедливость, милость, взбучка, неразбериха, успех*). Разумеется, такие существительные, как и «чистые» дериваты, сочетаются с относительными прилагательными, обозначающими актантные и сирконстантные характери-

* Работа выполняется при поддержке РГНФ в рамках проекта № 08-04-00183а «Семантический словарь русских прилагательных: классы, значения, валентности».

стики соответствующих ситуаций (*твои способности, не давнее злодеяние*). Но кроме этого они имеют и «собственную», специфическую сочетаемость.

Анализ значительных массивов сочетаний «прилагательное + существительное», который позволяет провести НКРЯ (его нынешний объем — 140 млн. словоупотреблений), показал, что большинство прилагательных, которые определяют абстрактные существительные второго типа, можно распределить по двум классам (в действительности их больше, но из-за недостатка места упомянем только два основных), а именно: абсолютное большинство качественных прилагательных, к какому бы семантическому классу они исходно ни относились, в переносном употреблении (в контексте абстрактных существительных) выражают либо (а) оценку ('хороший' / 'плохой'), либо (б) степень ('очень') (что соответствует лексическим функциям *Воп / AntiВоп* и *Магн* в модели «Смысл ↔ Текст»): (а) *белая зависть, черные мысли, холодный цинизм, грязный расчет, скользкий разговор*; (б) *глубокое разочарование, горькое сожаление, горячий интерес, жаркая полемика, чистая правда, широкая известность, шумный успех*.

Разумеется, оба эти класса (оценка и степень) пополняются не только за счет прилагательных «основного фонда». Значение высокой степени развивают также многие отгла-

гольные и отсубстантивные прилагательные (*невыносимый, непримиримый, непреодолимый, невыразимый, немислимый, небывалый, ангельский, адский, волчий, собачий, богатырский, крайний, злостный* и т. п.). Проиллюстрируем сказанное на примере атрибутивной сочетаемости существительного *лишение* (по данным НКРЯ). В исходном значении, непосредственно коррелирующем с глаголом, существительное имеет «глагольную» сочетаемость (определения соотносятся — семантически и / или словообразовательно — с наречиями при глаголе): *краткосрочное / временное / пожизненное лишение свободы, незаконное лишение свободы, умышленное лишение жизни, автоматическое лишение гражданства* ← *лишить пожизненно, незаконно, автоматически* и т. д. В другом значении ('жизненные тяготы, нехватка самого необходимого'), связанном с формой мн. ч. *лишения*, встречаются отдельные сочетания с относительными прилагательными (*материальные лишения; тюремные лишения; мужчина небольшого роста, крепкого телосложения и по внешнему виду способный переносить большие физические лишения...*), но в подавляющем большинстве сочетаний прилагательное выражает значение высокой степени: *великие / мучительные / неимоверные / неслыханные / нечеловеческие / страшные / тяжелые / тяжкие / чудовищные лишения*.

50 лет Картотеке Словаря русского языка XVIII века

И. А. Малышева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

iamalysheva@mail.ru

Русский язык, XVIII век, словарь, картотека

Summary. The report is devoted history and a current state of the Card file of the Dictionary of Russian of a XVIII-th century.

Картотека Словаря русского языка XVIII века (далее — КС XVIII) начала создаваться в 1960 г. после принятия в 1959 г. решения о подготовке нового исторического словаря. «Общий замысел нового исторического словаря предварительно еще не был разработан, но уже тогда предполагалось, что это будет большой академический словарь... На несколько первых лет работы группы исторической лексикологии в Словарном секторе Института была поставлена в качестве основной задачи создание достаточно обширной и надежной картотеки цитатных и справочных материалов, а в связи с этим углубленного лексикологического изучения широкого круга источников самых различных жанров литературы и письменности, произведений многих авторов различных литературных и научных школ и направлений, многочисленных документов и др. материалов» [13].

Создание Картотеки потребовало прежде всего определения круга источников. На начальном этапе разработки концепции Словаря русского языка XVIII века (далее — СРЯ XVIII) вопрос об источниках Картотеки стал главным. Общие положения, касающиеся выбора источников для нового словаря, были сформулированы в одной из статей Ю. С. Сорокина: разнообразие и жанровая широта без предпочтения какого-либо одного жанра, даже если он был наиболее влиятельным в процессе формирования литературной речи; не только произведения оригинальные, но и переводные; исключительно лингвистические критерии при отборе памятников; и важнейшее для языка XVIII века — отбор источников не должен опираться на какие-то заранее сложившиеся представления о нормах литературного языка XVIII века [12: 18–19]. Общим вопросам об источниках Словаря посвящен еще ряд статей [1]; [2]; [4]; [10].

Первыми источниками Картотеки стали «Письма и бумаги Петра I», речи М. В. Ломоносова, «Полное собрание сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова» (издание 1787 г.), журнал «Трутен» Н. И. Новикова за 1769 и 1770 гг., «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Круг источников активно расширялся. Опубликованный в 1984 г. указатель источников содержит более 1500 названий [11]; в каждом нечетном выпуске Словаря публикуется дополнение к указателю источников (включено около 300 названий). Первый миллион карточек был накоплен с 1960 по 1967 г. (выборка из 1000 источников). В течение десятилетий

группа из 15–18 человек создала Картотеку объемом более полутора миллиона карточек-цитат.

В настоящее время КС XVIII является уникальным собранием лексико-фразеологических материалов по русскому языку XVIII века [3]; [8]; [9]; [5]. Картотека содержит свыше 2200000 карточек-цитат из почти 2000 источников. Отдельно в течение ряда лет формируется Картотека новых поступлений, содержащая свыше 33000 карточек-цитат. На данном этапе материал Картотеки представлен тремя видами карточек-цитат: фрагменты фотокопий текстов, рукописные, компьютерные.

Создание научно полноценной картотеки для исторического словаря потребовало разработки принципов организации ее материалов. В структуре КС XVIII четыре основных раздела: лексикографический (фиксация слова в словарях XVIII в.) и три раздела, отражающих этапы языкового состояния русской письменности в соответствии с лингвистическими взглядами авторов СРЯ XVIII (I период — 1695–1730–1740-е гг., II период — 1740–1770-е гг., III период — 1780–1805 гг.). Систематизация картотечного материала (предусмотрены и внутрисловные разделители) позволяет судить, какие изменения претерпевало слово на конкретном этапе развития языка в XVIII веке, наращивало или сокращало свое употребление, на каком этапе возникла в языке та или иная новация, какие варианты имело слово и др.

Картотека Словаря русского языка XVIII в. продолжает расширяться, накапливает все новый материал для исследования и описания языка XVIII в. Толковый исторический СРЯ XVIII, новаторский по приемам описания лексики, задумывался как лексикографическое описание тезаурусного (в перспективе) типа. Сложные проблемы, стоящие перед составителями Словаря, требуют постоянного расширения круга источников. В настоящее время КС XVIII активно пополняется материалами из новых источников (в год 1–2 тысячи карточек-цитат), среди которых важное место занимают рукописные памятники, в том числе и региональные [6]; [7]. Одновременно продолжают разрабатываться и печатные тексты XVIII в., не включенные ранее в список источников Словаря. Пополнению Картотеки способствуют современные технологии.

В настоящее время актуальным является создание словника Картотеки. Словник КС XVIII в. значительно полнее реестровой части самого Словаря. СРЯ XVIII еще далек от

завершения (последний 18-й выпуск содержит слова *Открытие* — *Пена*), и словник позволит показать до окончания работы над Словарем максимально полно лексический состав русского языка данного периода. Появление в научном обороте алфавитного реестра лексики XVIII в. даст возможность его сопоставления с картотеками и словарями предшествующих исторических периодов и послужит базой для сравнения при подготовке исторических словарей последующих периодов (например, Словаря русского языка XIX в.).

КС XVIII сформировалась как самостоятельный научный объект и является не только банком словоупотреблений данного исторического периода, но, что самое важное, содержит научные данные (часто уникальные), полученные в результате многолетней целенаправленной исследовательской работы авторского коллектива СРЯ XVIII. Материал Картотеки используется для лингвистических исследований самых разных направлений. Кроме того, Картотека имеет большое значение как памятник русской культуры, хранящий многообразную информацию о русском XVIII веке.

Литература

1. Биржакова Е. Э. Лексикографические источники и их использование в историческом словаре // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 4. Теория и практика исторической лексикографии: Тезисы конференции, октябрь, 1975 г. Москва. Посвящается 50-летию Картотеки ДРС. М., 1975. С. 12–13.
2. Биржакова Е. Э. К вопросу об источниках Словаря русского языка XVIII века // Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.
3. Биржакова Е. Э., Петрова З. М. Картотека Словаря XVIII века // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 92–100.
4. Войнова Л. А. Роль иллюстративного материала в Словаре русского языка XVIII в. // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984. С. 117–118.
5. Куканова Н. Н. Современное состояние картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. I, ч. 3. СПб., 2004. С. 74–79.
6. Мальшева И. А. Новые источники «Словаря русского языка XVIII века» // «Единым письмом употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. ст. памяти З. М. Петровой. СПб., 2007. С. 261–275.
7. Мальшева И. А. Архангельская таможенная книга 1710 года // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв. Курск. 2009. С. 129–134.
8. Петрова З. М. Картотека Словаря русского языка XVIII века: история, настоящее, будущее // Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке. М., 1989. С. 35–41.
9. Петрова З. М. Картотека «Словаря русского языка XVIII века» // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 145–149.
10. Петрова З. М. Из истории работы над «Словарем русского языка XVIII века» // Русский язык конца XVII — начала XIX века (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 7–XVII.
11. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. С. 58–141.
12. Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века (Художественная литература первой половины века). М.; Л., 1965. С. 18–19.
13. Сорокин Ю. С. О состоянии работы над «Словарем русского языка XVIII века» и перспективах его издания (рукопись, хранится в группе Словаря русского языка XVIII в. ИЛИ РАН).

Проект учебного русско-итальянского словаря сочетаемости существительных

Т. А. Остахова

Мессинский университет (Италия)

ostakhova@unime.it

Комбинаторная лексикография, коллокации, конструкции с глаголом-поддержкой, методика преподавания РКИ

Учитывая важность сочетаемости слов при обучении иностранному языку, а также при переводе с родного языка на иностранный, авторский коллектив кафедры русского языка и литературы Мессинского университета (Италия) разрабатывает *Учебный русско-итальянский словарь сочетаемости существительных*. Словарь предназначен для изучающих русский язык на начальных и продвинутых этапах обучения, преподавателей-русистов и переводчиков, и включает около 1000 наиболее частотных существительных русского языка и около 5000 глагольно-именных словосочетаний, представляющих коллокации и конструкции с глаголом-поддержкой. Лексический минимум соответствует требованиям учебных программ Вузов Италии.

В качестве заголовного слова выбрано имя существительное, выступающее, по мнению авторов, отправным элементом при переводе. К заголовному слову дается толкование значения(ий) и указываются основные грамматические характеристики (род, число). Глагольно-именные словосочетания представлены в алфавитном порядке как в случае, когда заголовочное существительное является прямым или косвенным дополнением (*приветствовать аплодисментами*), так и когда оно выступает в роли подлежащего (*аплодисменты вспыхнули*). Глаголы приводятся в форме инфинитива несовершенного и совершенного вида с указанием глагольного управления. Для всех лексических единиц указано ударение.

Структура словарной статьи:

аплодисменты *мн.* — **applauso** *т.*

встречать / встрѣтить аплодисментами (*T*) *кого-л.* (*B*) — *salutare con un applauso q/c*

вызывать / вызвать аплодисменты (*B*) *у кого-л.* (*P*) — *suscitare gli applausi di q/c*

заглушать / заглушить аплодисменты (*B*) — *soffocare gli applausi*

заслуживать / заслужить аплодисменты (*B*) — *meritare un applauso*

наградить / наградить аплодисментами (*T*) *кого-л.* (*B*) — *tributare un applauso*

приветствовать аплодисментами (*T*) *кого-л.* (*B*) — *accogliere / salutare con un applauso*

проводить / проводить аплодисментами (*T*) *кого-л.* — *congedare con un applauso*

скупиться / поскупиться на аплодисменты (*B*) — *lesinare gli applausi*

разрывать аплодисментами (*T*) — *scoppiare in applausi*

срывать / сорвать аплодисменты (*B*) — *strappare un applauso*

~ аплодисменты вспыхнули (вспыхивать / вспыхнуть) — *scoppiarono gli applausi (scoppiare)*

~ а. прогремели (гремѣть / прогремѣть) — *echeggiarono gli applausi (echeggiare)*

~ а. грянули (грянуть *св.*) — *risuonarono gli applausi (risuonare)*

~ а. отгремели (гремѣть / отгремѣть) — *gli applausi finirono (di scrosciare) (finire)*

~ а. раздались (раздаваться / раздаться) — *gli applausi risuonarono (risuonare)*

~ а. прекратились (прекращаться / прекратиться) — *finirono gli applausi (finire)*

~ а. (не) смолкают (смолкать / смолкнуть) — (non) *cessano gli applausi (cessare)*

~ а. (не) стихают (стихать / стихнуть) — (non) *cessano gli applausi (cessare)*

~ а. (не) утихают (утихать / утихнуть) — (non) *cessano (cessare), (non) si placano (placarsi)*

Основные параметры описания компаративных тропов в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.»

З. Ю. Петрова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

zoyap@mail.ru

Метафора, сравнение, лексикография

Summary. The main principles of The Dictionary of Metaphors and Comparisons in the XIX–XX centuries Russian Literature are described. These are: 1) ideographic (thesaurus) principle, or the principle of the semantic field 2) diachronic principle; 3) formal syntactic principle. The Dictionary shows the system of comparative tropes in its connection with the worldview reflected in the Russian literature and the evolution of this system.

В докладе описываются основные принципы создания «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» и типы информации, которую пользователь может извлечь из этого словаря, на материале трех существующих на сегодняшний день выпусков «Материалов...»: Выпуск 1. «Птицы», М., 2001; Выпуск 2. «Звери, насекомые, рыбы, змеи» (в печати); Выпуск 3. «Растения».

Основным принципом группировки материала в словаре является тезаурусный принцип, или принцип семантического поля. И предметы сравнения (обозначения реалий), и образы сравнения (образные соответствия реалий) группируются в семантические поля, образующие тезаурусную систему. Основные крупные классы, в которые группируются предметы сравнения в описываемых выпусках словаря, — «Человек», «Время» и «Окружающий мир». Дальнейшее разделение класса «Человек» на подклассы схематично можно представить следующим образом: «Обозначения людей», «Части тела человека», «Совокупности людей», «Жизнь, смерть, судьба, различные жизненные обстоятельства», «Внутренний мир человека» («Душа, сердце, дух», «Интеллект», «Чувства»), «Языковые явления», «Социальные явления» и нек. др. классы. Класс «Окружающий мир» подразделяется далее на следующие подклассы: «Животные» («Птицы», «Звери», «Рыбы, раки, крабы», «Насекомые, пауки»), «Растения»; «Различные процессы и явления окружающего мира» («Свет», «Огонь», «Вода», «Атмосферные явления»); «Камни, минералы», «Предметы, созданные руками человека» («Ткани, одежда», «Оружие», «Машины, механизмы», «Строения», «Домашняя утварь, посуда», «Еда») и др. При группировке материала по образам сравнения учитываются различные отношения в соответствующих семантических полях: родо-видовые, часть — целое, синонимы, обозначения совокупностей реалий, обозначения действий, характерных для реалий и др.

Помимо принципа семантического поля, в словаре применяется диахронический принцип: во всех классах тропов материал подразделяется далее по времени, после большинства примеров в скобках приводится год написания или первая публикации соответствующего произведения.

Семантические отношения в классах тропов в сочетании с диахроническим принципом представления материала позволяют проследить развитие этих классов в истории поэтического языка, появление в них новых элементов, отмирание старых. Это касается как предметов сравнения, так и образов сравнения.

Еще один важный принцип группировки материала в словаре — по формально-синтаксическим конструкциям, в которых употребляются опорные слова тропов. Два основных типа таких конструкций — «Метафора» (Мтф.) и «Сравнение» (Ср.). В группу метафор входят конструкции метафорического «переназывания», генитивные метафоры, метафоры-загадки и некоторые другие конструкции. Среди сравнений выделяются сравнения с формально не выраженным основанием сравнения (Ср.), сравнения-приложения (Ср.-прил.), сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом (Ср. с гл.), прилагательным (Ср. с прил.). Выделяются также сравнения со сложными основаниями, характеризующие целые образные ситуации, сравнения с повторяющимся глаголом, конструкции параллелизма, метаморфозы.

Группировка материала по формальным конструкциям в соответствии с его диахроническим расположением позволяет проследить очередность возникновения в поэтическом языке соответствующих типов тропических конструкций: иногда смысловая связь, лежащая в основе некоторого образного употребления, вначале выражается метафорой, позже — сравнением, в других случаях развитие формального выражения тропа происходит в обратном порядке. Бывает и одновременное функционирование обоих типов конструкций.

То, что в конструкциях «Сравнение с глаголом», «Сравнение с прилагательным» явно выделяются основания сравнения — сами эти глаголы и прилагательные, позволяет увидеть смысловую основу образных характеристик разных реалий. Таким образом, словарь дает материал для исследования метафорической картины мира, отраженной в русской художественной литературе.

Далее, словарь дает возможность получить примерные сравнительные частотные характеристики тропов: из словарных статей можно увидеть, какие тропы более часты в языке художественной литературы (много материала в статье), какие — более редки (материала мало или даже имеется только один пример).

Данные словаря полезны и для лексикографов, описывающих переносные употребления слов.

Перечисленные выше принципы группировки материала в словаре и типы извлекаемой из словаря информации иллюстрируются в докладе примерами образных полей «Птицы», «Звери», «Насекомые», «Рыбы» и «Растения» (иначе говоря, «Фауна» и «Флора») в языке русской художественной литературы XIX–XX вв.

Языковая специфика терминологии и организация терминологических единиц в области нанотехнологий при создании терминологической базы данных

Р. К. Потапова, Н. А. Морев, С. В. Бездорожев, А. А. Маслов

Московский государственный лингвистический университет

rkpotapova@yandex.ru, guitarsailor@mail.ru

Нанотехнологии, научный стиль русского языка, система управления базами данных MySQL, понятийно-терминологическая система, архивсема

Summary. A terminology database in the field of nanotechnologies is being elaborated. In future this database will be converted into a glossary with scientific data, presented in two languages.

1. Одно из возможных применений навыков лингвиста в области нанотехнологий — создание терминологической базы данных в области нанотехнологий с ее последующим преобразованием в специальный словарь терминов в сфере нанотехнологий [3].

1.1. Ориентация такого словаря на тип толковых словарей.

2. База данных представляет собой набор терминологических единиц и дефиниций к ним, описание которых выдержано в научном стиле русского языка.

2.1. База данных включает термины, дефиниции к которым в свою очередь также содержат терминологические единицы, благодаря чему осуществляется и не нарушается сохранность научного стиля языка в пределах описаний.

2.2. База данных вобрала в себя на данном этапе около 500 терминов, принадлежащих к самым разным научным областям, и дефиниций к ним, отражающих специфику научного стиля русского языка разных научных сфер и направлений; при этом источником для реализации базы дан-

ных в электронном виде послужил хостинг (веб-сервер), отвечающий следующим требованиям: поддержка языка программирования PHP версии 5.x.x и выше, поддержка системы управления базами данных MySQL версии 5.x.x и выше, поддержка HTTP-сервера Apache версии 2.0.

2.3. Представление терминологических единиц самой разной природы (объекты, явления, процессы, закономерности, единицы технического оборудования и т. д.) вместе с дефинициями позволяет определить, за счет каких морфологических, лексических и синтаксических средств передается единство научного стиля языка.

2.4. Особые контексты употребления терминологических единиц демонстрируют принципы сочетания единиц разговорной речи и научного стиля русского языка.

3. В результате лингвистического анализа данные в базе структурируются, объединяются в классы и связываются друг с другом в пределах одного класса благодаря логическим связям.

3.1. Выбирается научная область с ее терминологическими единицами и разрабатывается их информационно-понятийный аппарат [2].

3.2. Определяется принадлежность терминов к так называемым индикативным маркерам, информативным маркерам, нейтральным маркерам или неонимам [4].

3.3. Проводится обобщение базисных понятий.

3.4. Составляется иерархия внутри основных понятий.

3.5. Далее термины соотносятся с выявленными видовыми понятиями, и составляется так называемая понятийно-терминологическая система [1].

3.6. На заключительном этапе анализа проводится так называемый семный анализ — определяются архисемы, а также общие дифференциальные семы [5].

4. В дальнейшем предполагается привести в терминологической базе для соответствующих научных данных на русском языке их английские эквиваленты вместе с английскими дефинициями и примерами употребления в английской речи.

Литература

1. Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977.
2. Володина М. Н. Термин как средство специальной информации. М., 1996.
3. Потапова Р. К. Нанотехнологии и лингвистика: прогнозы и перспективы взаимодействия // Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ (в рамках инновационной образовательной программы МГЛУ «Лингвапарк»). М., 2007. С. 9–12.
4. Стерлигов К. Б. Терминологическая база знаний и понятийная структура терминологии логистики и ее дефиниций // Логистика сегодня. 2006. № 2 (14).
5. Хижняк С. П. Терминология права, терминологические словари и принципы их составления // Правоведение. 1994. № 3. С. 96–98.

Тезаурусный подход к составлению этнонимического словаря

Т. А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет

sirotkina71@mail.ru

Этнонимы, лексикография, тезаурус, идеографический принцип

Summary. The paper deals with the thesaurus approach to the ethnic lexicography. The author provides a project of the Ethnic Thesaurus of Perm Region, describes its structure and principles.

Как известно, одним из направлений системного изучения лексики является тезаурусный подход. В последнее время появилось немалое количество словарей, опирающихся на идеографический принцип построения, среди них можно назвать «Идеографический словарь русского языка» О. С. Баранова, «Русский семантический словарь под общей редакцией Н. Ю. Шведовой, «Тематический словарь русского языка» Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой, В. В. Морковкина и др.

В докладе содержится попытка обоснования тезаурусного подхода к описанию этнонимической лексики.

Этнонимы были включены уже в словарь Д. Н. Ушакова, и традиция включения их в словари продолжалась в дальнейшем. Однако далеко не все этнонимы включаются в толковые словари. Так, толковый словарь под ред. профессора Д. Н. Ушакова содержит этнонимы *башкиры*, *ногаи*, *татары*. Этнонимы же *вогулы*, *катаи*, *карагаи* не входят в данный словарь. В «Словаре современного русского литературного языка» С. И. Ожегова включены этнонимы *башкиры*, *манси*, *ногайцы*, а *вогулы*, *катаи*, *карагаи* — отсутствуют.

По-разному подходят к лексикографированию этнонимов и составители исторических словарей. Не входят вышеуказанные этнонимы в «Словарь русского языка XI–XVII вв.», а в «Словаре русского языка XVIII века» из названных отсутствуют только *катаи* и *карагаи*, не представленные и в других словарях. В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля нет приведенных этнонимов, отсутствуют они и во многих региональных словарях, например, в Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Иногда в диалектные словари включаются «старые» этнонимы, отличающиеся от современных (*вогул*, *вогулы*, *вогулка*, *вогула* — «Словарь говора деревни Акчим Пермской области». Вып. 1, 137) или этнонимы в составе фразеологических единиц (*играть зырянном* — «Словарь пермских говоров». Вып. 1, 339).

Однако названия народов (этнонимы) — это единицы языка, поэтому представляется актуальным создание лингвистических словарей этнонимов.

Многие лингвисты указывают на характерное для современной лексикографии внимание к функционированию слова. С этой точки зрения задача создателя этнонимического

словаря — не исключение. Показав актуализацию значения этнического имени в разных сферах речевой коммуникации, мы позволили бы читателям представить реальные условия функционирования слова в живой речи, раскрыть эстетическую его функцию в художественном тексте.

В этом плане источниковая база этнонимии Пермского края очень богата и разнообразна. В качестве источников «Словаря пермских этнонимов» могут использоваться:

- 1) пермские памятники деловой письменности, зафиксированные в «Пермской летописи» В. Н. Шишонко, «Кунгурские акты XVII века» А. А. Титова;
- 2) научные труды историков XIX века (Н. С. Попов, В. Я. Кривошеков, В. Н. Шишонко), этнографов XX века (В. А. Оборин, Г. Н. Чагин, А. В. Черных);
- 3) существующие диалектные словари («Словарь пермских говоров», «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области»), местный фразеологический словарь («Фразеологический словарь пермских говоров» К. Н. Прокошевой);
- 4) произведения пермских писателей, например, исторические романы А. Иванова «Чердынь — княгиня гор» и «Золото бунта»;
- 5) списки населенных пунктов разных лет;
- 6) «Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века» Е. Н. Поляковой;
- 7) «Словарь пермских фамилий» Е. Н. Поляковой.

По нашему мнению, создание местных словарей этнонимов не менее актуально, чем продолжение работы над созданием общерусского этнонимического словаря, поскольку позволяет решить многие вопросы лингвокраеведческого характера. Региональные исследования дают интересные материалы, касающиеся приобретения этнонимами нарицательных значений (и далее — включения этих сем в русскую языковую картину мира), заселения тех или иных территорий разными народами.

По своему материалу словарь этнонимов может пересекаться с историческими, диалектными, ономастическими словарями, описывающими лексику определенной территории, однако должен отличаться от них и по составу словника, и по структуре словарных статей.

В отечественной лексикографии идеографические словари — один из самых молодых видов лексикографических изданий. Одной из разновидностей идеографических словарей являются тематические, в которых описываются микросистемы русского языка, сгруппированные вокруг определенной темы.

Тематический словарь этнонимов Прикамья мог бы содержать около 100 понятий, охватывающих все основные этносы, функционирующие в Пермском крае.

Поиск ментальных закономерностей, воплощенных в этнонимической лексике, может опираться, на наш взгляд, именно на идеографическое (тематическое) описание пермского этнонимикона. Идеографическое описание, как известно, предполагает выявление понятийных классов (семантических полей) отражающих членение объектов реального мира.

При таком подходе основным термином становится идеограмма — то или иное понятие, распространенное на всей исследуемой территории, а набор лексем, репрезентирую-

щих определенное понятие — основной единицей анализа. Набор репрезентантов идеограммы в этом случае может рассматриваться как лексико-семантическая группа, как полевая структура и как репрезентация понятийной категории.

Описание каждого из понятий, образующих категорию этничности, должно включать основные семантические зоны, или идеографические классы: «Группа людей», «Мужчина», «Женщина», «Принадлежность», «Характеристика», «Способ действия», «Антроним», «Топоним».

В таком случае легко будет проследить связи не только между репрезентантами, составляющими одно понятие, но и между лексемами, находящимися в разных статьях, но представляющих одну семантическую зону, например, зону «Принадлежность»: *вогульский, удмуртский, еврейский* и т. д.

Итак, создание «Словаря пермских этнонимов» — задача ближайшего будущего. Тезаурусный подход к лексикографированию этнонимической лексики представляется нам наиболее логичным и перспективным в этом отношении.

Этимологический словарь для младшего школьника: состав, формы подачи материала

В. И. Супрун

Волгоградский государственный педагогический университет

suprun5@rambler.ru

Этимология, лексикография, младший школьник, доступность, научность

Summary. The paper deals with etymological dictionary compiling designed for elementary school pupils and focuses upon the principles of entries presentation, dictionary volume and the balance between its simplicity and scientific character.

Этимологические знания являются одним из стимулов к усвоению языка, к пониманию механизмов возникновения и функционирования его единиц. Этимологические связи лексем и фразем отражаются в языковой картине мира (ЯКМ) человека, позволяют установить динамику ЯКМ этноса. Потребность в установлении этимологических связей между словами, в поиске путей рождения слова является естественной для носителя языка. Она проявляется в народной этимологии, в установлении подлинных и ложно-этимологических связей между словами, в языковой игре и языковом шаржировании (И. В. Крюкова). Чем раньше носитель языка приобщится к научной этимологии, чем полнее поймет сложность законов фонетических, грамматических и семантических преобразований, тем ярче будет проявляться его языковая и речевая компетентность.

Этимологические словари создаются для взрослых, точнее даже — для лингвистов. Для верного прочтения словарных статей необходимо иметь представления о родстве языков, о составе индоевропейской языковой семьи и языковых групп, о фонетических и семантических процессах и т. п. Даже для работы со школьными этимологическими словарями следует уметь хотя бы приблизительно читать слова на европейских языках, знать основные лингвистические термины (словообразовательная калька, субстантивация прилагательного, префиксальное производное, метатеза, итератив, диссимилиация и пр.).

Потребность в понимании путей возникновения слов родного языка у младших школьников и даже дошкольников проявляется в регулярных попытках установления связей между лексемами, в проявлении детской этимологии как разновидности народной (см. наблюдения К. И. Чуковского, А. Н. Гвоздева и др.). У вдумчивого учителя появляется возможность перевести эту потребность в научное русло. Для этого необходим этимологический словарь, составленный с учетом возраста и уровня знаний и интересов ребенка. При составлении словаря должны быть соблюдены два критерия: доступность для младшего школьника и сохранение научности.

Вступительная статья должна содержать информацию о родстве языков, языковых семьях и группах, некоторых фонетических и семантических процессах и законах. Словарная статья представляет собой рассказ о слове с повтoreнием некоторых элементарных сведений из теории этимологии. Младшие школьники только начинают изучать иностранный язык, им трудно читать слова с диакритикой, сложные сочетания букв (немецкое *sch*, польские *sz*, *cz* и

т. п.), поэтому иностранные слова записываются азбукой (этот прием использовал Л. В. Успенский в своих популярных книгах о языке для детей). Целесообразно включать в рассказ задание для ребенка, чтобы он в творческой деятельности лучше понимал и запоминал лингвистические процессы и явления.

Детский словарь должен быть насыщен культурологической информацией. Ребенок воспринимает мир через слово, поэтому обогащение его представлений о стране, народе, мире должно стать еще одним принципом составления словарной статьи. Важно также отсылать читателя к семье, к языковому опыту родителей и дедушек с бабушками, что придает тексту доверительность и облегчает его восприятие.

Приведем примеры словарных статей.

БАБУШКА — сразу видно, что это замечательное слово делится на корень *баб-* и уменьшительно-ласкательный суффикс *-ушк-* с окончанием *-а*. Суффикс встречается во многих ласковых словах: *матушка, дедушка, лебедушка, соловушка, дубравушка, избушка, оладушки*. А корень знаком всем детям, ведь они часто обращаются к своим бабушкам с краткой формой слова: *баба Надя, баба Даша, баба Ира*. А теперь давай подумаем, как же могло возникнуть это слово. Из каких слогов оно состоит? Правильно, из двух одинаковых: *ба-ба*. Такие слова чаще всего возникают во время детского лепета. Малыши лепечут: они выдыхают воздух, губки соприкасаются, воздух прорывается через них и получается слог *ба-*. Попробуй его произнести. Таких слогов маленький лепетун произносит несколько, а взрослые, с умилением слушая своих деток, закрепляют за сочетанием двух одинаковых слогов значение «мама отца или матери», потому что раньше именно бабушки занимались воспитанием детей, пока родители работали. Так слышали этот лепет русские, болгары, поляки и другие славяне. А вот татары, узбеки и представители других тюркских народов считали, что дети, говоря *баба*, имеют в виду дедушку. Как ты думаешь, почему? Для этих народов важно было подчеркнуть, что главным в семье является отец папы, поэтому и детский лепет воспринимался как обозначение этого главы семейства. Поищи в словаре другие слова из детского лепета и подумай, из каких слогов они состоят, как получились эти слоги.

САЛЮТ. Ты когда-нибудь видел салют? Зачем над городом загораются красивые огненные цветы? Чтобы приветствовать жителей города в честь важной даты или праздника. Следовательно, салют — это приветствие. Спроси у бабушки или дедушки, не приветствовали ли они в молодости друг друга: *Салют!* Сейчас редко так говорят, а раньше это

было популярное молодежное приветствие. Торжественно салютовали юные пионеры, поднося кисть согнутой в локте руки ко лбу во время выноса знамени. Попроси дедушку рассказать тебе об этом. А что обычно говорят русские люди друг друга при встрече? *Здравствуй!* Вспомни, что значит это приветствие. Пожелание здоровья. Вот мы и пришли к исходному значению слова *салют*. В латинском языке слово *салют* (родительный падеж *салютис*) значило «здоровье, благо, благополучие», римляне этим словом желали друг другу здоровья и благополучия. Это приветствие

подхватили европейцы. Англичане, например, уже в XIV веке таким словом встречали друг друга. Использовалось это слово в немецком, голландском языках. Судя по букве *ю*, приветствие к нам пришло от французов, произошло это во времена правления Петра I. Не только люди приветствовали так встречных, но и корабли согласно Морскому уставу должны были салютовать друг другу. А потом небо стало расцветиваться салютами в честь боевых побед. Во время Великой Отечественной войны в Москве было произведено 354 салюта в честь побед нашей армии.

Лингвокультурологический аспект словаря метафор

Э. Р. Хамитова

Башкирский государственный медицинский университет (Уфа)

Elya82@list.ru

Лингвокультурологический аспект, словарь метафор, аксиологический, метафора, культурная коннотация

Summary. The paper describes the cultural component of the dictionary of the metaphors.

Возникновению современного словаря метафор как самостоятельной лексикографической сущности предшествовало долгое развитие нескольких лексикографических тенденций: развитие словарей-приточников в древнерусской лексикографии (В. А. Козырев), фиксация переносных значений слова в рамках толкового словаря (Л. В. Щерба), возникновение писательской лексикографии (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Д. М. Поцпеня), создание идеографических и тематических словарей (Л. В. Щерба, В. В. Морковкин, Д. М. Хасанова, Л. Г. Саяхова).

Многообразие типов словарей метафор обусловлено разными аспектами самого явления метафоры: особенностями дискурсов, в которых функционируют метафоры (Словарь русских политических метафор А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине. Словарь-справочник А. П. Дьяченко, Словарь поэтических образов Н. В. Павлович); характером метафорических переносов — авторских и языковых («Метафора в системе языка» Г. Н. Скляревской, Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века) Н. Н. Ивановой); основными метафоробразующими понятиями, значимыми в метафорической картине мира национального языка (Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX века: «Птицы» Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой).

Кроме словарей метафор, наша работа соприкасается с лингвокультурологическими словарями. Лингвокультурологический словарь — словарь нового интеграционного типа, синтезирующий различные области гуманитарного знания (В. В. Красных). Практика создания словарей лингвокультурологического типа раскрыла возможности описания языковых единиц в аспекте культурного компонента, содержащегося в семантике, и с точки зрения их функционирования в культурном пространстве социума. Развитие метафорической лексикографии как продуктивного направления теории метафоры, связывающей воедино когнитивные и лингвистические процессы сознания человека, привело к возникновению лингвокультурологических словарей метафор.

В результате анализа существующих словарей к лингвокультурологическому аспекту мы относим следующие уровни описания метафорических корпусов: лингвокогнитивный, лингвоаксиологический, собственно лингвокультурологический.

В словаре «Концептуальная метафора «природа — человек» в русской поэтической картине мира (на материале творчества поэтов XIX–XX веков)» мы описываем отдельно взятую метафорическую модель «природа — человек» в поэтической картине мира: метафора выступает как проявление духовной культуры общества в творчестве русских поэтов XIX–XX веков.

Сущность метафорического переноса в художественном дискурсе двояка: во-первых, метафора соответствует общепринятым метафорическим парадигмам, что обуславливает ее адекватное восприятие членами языкового коллектива. Во-вторых, метафора обладает яркими чертами, отражающими индивидуальное сознание своего создателя — поэта или писателя. Этот факт становится ключевым в определении подхода к словарю, синтезирующему два направления: с одной стороны, важно было объективно представить цель-

ный фрагмент общезыковой поэтической картины мира метафорической модели «природа-человек», с другой — отразить особенности авторского продуцирования метафор данной модели.

Структура словаря включает введение, три хронологически обусловленные части (XIX век, рубеж XIX–XX веков, XX век), состоящие из персональных разделов, таблицы частотности ключевых слов, указатель лексем, источники словаря. Каждый персональный раздел включает небольшой лингвокультурный комментарий, основные модели и ключевые слова, т. е. лингвокультурную информацию различного вида.

В словаре рассматриваются корпусы метафор 19 авторов, более 2200 метафорических переносов. Так как мы стремимся описать цельный фрагмент метафорической картины мира, в лексикографическом представлении участвуют языковые и индивидуально-авторские метафоры. Поэты, представленные в словаре: В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, А. В. Кольцов — XIX век; А. А. Ахматова, И. А. Бунин, А. А. Блок, О. Э. Мандельштам — Серебряный век, В. В. Набоков, В. Ф. Ходасевич — русская эмиграция; С. Есенин, А. А. Тарковский, Н. А. Заболоцкий, Н. М. Рубцов, Р. И. Рождественский, Д. С. Самойлов — русская советская поэзия.

Лингвокультурологическая суть метафор проявляется на всех уровнях метафорической составляющей языковой картины мира, что находит свое отражение в лексикографическом описании метафорических переносов. Более ярко представлены вкрапления культуры на лексическом уровне метафоры — в метафоризируемых и метафоризирующих словах. Так, в метафорах исследуемой нами модели «природа — человек» широко репрезентируются культурные элементы на лексическом уровне, прежде всего, в словах, относящихся к определенным смысловым сферам и называющих уникальные явления российской культуры или воспринимаемые с учетом национальной специфики: 1) лексемы реалий русской жизни и жизни народов, населяющих Россию (*царство* — А. В. Кольцов, *чалма, риза, невод* — И. А. Бунин и др.), 2) лексемы ритуалов, образа жизни (*бить в колокола* — И. А. Бунин, *водить хоровод, кочевье* — А. А. Тарковский, *плясать круговую* — Д. С. Самойлов), 3) лексемы религиозной сферы (*кадить, кропить, зажечь лампаду* — В. В. Набоков, *развернуть Коран* — И. А. Бунин), 4) лексемы эмоциональной сферы (*тосковать* — В. А. Жуковский, *ликовать* — А. К. Толстой).

При этом лексемы как знаки определенных культурно значимых денотатов в концептуальной сфере выводят к ассоциативному уровню, полностью обусловленному культурными факторами данного этноса. Ассоциативный уровень возникает на этапе метафоропорождения, когда образ строится на основании не только «объективного сходства», но и на основании ассоциаций коллективного сознания, к которому принадлежит и отдельный автор, например, пчела ассоциируется с трудом, напряженной работой, возникают метафоры «*трудолюбива пчелка золотая*», «*пчелу-работницу* напой...» (В. А. Жуковский).

Лексикографическая систематизация метафор, кроме структуры ценностей этнокультурного сознания, эксплицирует аксиологический, индивидуально детерминированный уровень личности их творца. Например, в системе метафор мо-

дели «природа-человек» в творчестве М. Ю. Лермонтова встречаются лексемы *гордый, гордиться*: «Три гордые пальмы высоко росли» (1837–1841), «...догорают, / Краснея, гордое светило...» (1828–1836), И лучший перл того венца, / Которым свод небес порой / Гордится... (1828–1836), у других поэтов они практически отсутствуют. Наряду со словами *гордый / гордиться* употребляются лексемы *одинокий, бунтовать, сражаться, прихоть, одиноко*, которые связывают систему ценностей М. Ю. Лермонтова с идеями романтизма, культивировавшими личность, противостоящую толпе.

Таким образом, развитие метафорической лексикографии в лингвокультурологическом русле, является одним из перспективных направлений общей лексикографии.

Допустимо ли сквернословие в словарях общего типа?

В. В. Химик

Санкт-Петербургский государственный университет

vkhimik@mail.ru

Инвективный, обценный, скатологизмы, матизмы, лексикография

Summary. The report is devoted problems identification and inclusions of four-letter words and idioms in dictionaries of the general type, is concrete: What? What for? How?

Тема предполагает три принципиальных вопроса: 1) что такое русское сквернословие? 2) нужно ли и зачем включать его в словари? 3) и если да, то в какие и как.

1. Что такое сквернословие, каков его состав и границы?

Академические словари определяют *сквернословие* с помощью синонимов: непристойные, неприличные слова и выражения, брань и ругань. Однако представление о непристойном и тем более о неприличном зависит от исторической эпохи, от характера социальной среды, от речевой ситуации.

1.1. **Непристойные** слова или выражения — это такие, которые по своему прагматическому потенциалу могут (хотя и не обязательно) вызвать у адресата или третьего лица при их употреблении состояние сильного эмоционального дискомфорта: шока, ужаса, отвращения, обиды, оскорбленности. В русской речевой практике и культурной традиции представление о непристойном связано прежде всего с грубыми названиями гениталий, полового акта, извращений, а также, в меньшей степени, с вульгарными номинациями естественных физиологических отправления.

1.2. **Неприличные** слова и выражения столь же условное понятие, сопутствующее сквернословию, но не объясняющее его в должной мере. Некоторые высказывания, определенные темы или анекдоты могут быть **неприличными**, но при этом не содержать сквернословия: «непристойное — всегда неприлично, но не всегда неприличное — непристойно» (В. И. Жельвис).

1.3. **Инвективные** единицы, т. е. выполняющие функции брани — традиционный, но не абсолютный признак сквернословия. Сквернословие может не быть бранью. Так, эвфемистический оборот: *Эх, мать-перемать, до чего ж погода хороша!* вызывает представление о сквернословии, но инвективной не является. С другой стороны, инвектива вполне может быть пристойной, литературной (ср. *негодяй, сволочь, скотина* и т. п.). Хотя, разумеется, сквернословие объективно обладает инвективным потенциалом.

1.4. **Обценные** единицы — казалось бы, универсальный атрибут, суть которого раскрывает целевое назначение сквернословия. Но в русской речевой культуре определение *обценный* оказалось не прямой, а переносной характеристикой, поскольку таковыми по западной традиции считают вульгарные именованья естественных физиологических отправления человека, скатологизмы, в то время как в русской культуре подразумевают матизмы.

1.5. В итоге сквернословие как маргинальное явление живой русской речи можно определить только совокупностью перечисленных признаков, каждый из которых в отдельности является недостаточным, но необходимым. Самый трудный вопрос — границы поля русского сквернословия. Основной его состав образуют два подполя: обценное (матизмы) и параобценное (скатологизмы). Каждое из подполей формируется вокруг семи исходных лексем: семь матизмов, которые именуют понятия *penis, vagina, coitus* (х., е., м., п., м., е., бл.) и семь скатологизмов (*ж., з., ср., др.,*

1. Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: Пособие для вузов. М., 2004.
2. Красных В. В. Типы современных словарей и характер словарной статьи: Материалы Круглого стола журнала «Мир русского слова» 25 октября 2006 года // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 22–39.
3. Хамитова Э. Р. Концептуальная метафора «природа — человек» в русской поэтической картине мира (на материале творчества поэтов XIX–XX веков): Словарь метафор / Под редакцией Л. Г. Сахаровой. Уфа, 2008.
4. Шестакова Л. Л. Авторская лексикография в отечественном языкознании: В 2 ч. // http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=102 (ч. 1); http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=103 (ч. 2).

ср., бз., прд.). К названным 14 базовым корнесловам следует прибавить все множество производных от них, плюс 5–6 аналогов-эвфемизмов, которые сами стали непристойными. Многие из всех этих корнесловов имеют десятки, а иные около сотни производных образований: семантических, словообразовательных и фразеологических, а также множество производных, грамматических, лексических и прочих вариантов, что по самым скромным подсчетам составляет около двух тысяч единиц русского сквернословия, а не десятков-другой, как иногда полагают.

2. Нужно ли и зачем изучать сквернословие и включать его в словари?

Ответ очевиден: невозможно игнорировать столь впечатляющий по объему и содержанию фрагмент русского национального сознания. И здесь не следует смешивать естественное социально-этическое и эстетическое неприятие сквернословия с необходимостью разбираться в нем специалисту-филологу. Наличие в словарях всех известных, реально существующих и функционирующих единиц русского сквернословия с соответствующими толкованиями, объяснительными и запретительными пометами, объективно необходимо для знания, ибо только знание и может быть основой речевой культуры.

3. В каких словарях уместно описание русского сквернословия?

За недолгие для науки 15–18 лет относительной издательской свободы в России появился опыт описания сквернословия в словарях только специального назначения. Среди них можно выделить следующие:

1) словари **обценных** единиц, которые ограничиваются матизмами; среди них наиболее профессиональные: Василий Буй «Русская заветная идиоматика» (1995) и два выпуска Большого словаря русского мата А. Плущера-Сарно (2001, 2005);

2) словари **инвективных** единиц, которые представляют не только сквернословие, но и разговорно-литературные инвективы, напр., словари В. М. Мокиенко, в том числе в соавторстве (1997, 2008);

3) **жаргонные** словари, в состав которых без достаточных оснований иногда включают обценные единицы, напр., «Словарь тюремно-лагерного жаргона» под ред. Д. С. Балдаева (1992), «Русская фена» В. Быкова (1994) и др.;

4) словари **ненормативной** лексики, среди которой есть и единицы сквернословия, напр., словарь Д. И. Квеселевича (2003).

Однако это **специальные** словари. Чтобы в поиске обратиться к ним нужного слова / выражения, средний читатель (массовый пользователь) должен предварительно прийти к выводу, что нужная единица является именно «обценной», «бранной», «жаргонной», «ненормативной». Но читатель может этого и не знать, тем более не носитель русского языка. Первоначально, в рутинном поиске нужной единицы, читатель неизбежно обращается к словарям **общего типа**. Для носителя русского языка это толковый словарь, для

инофона — переводной. Ни в одном из таких словарей отечественного издания, даже в больших словарях, искомым единицам сквернословия читатель не найдет. Их и не должно быть в классических толковых словарях прескриптивного, предписывающего типа. Но, вне всякого сомнения, они должны быть в толковых словарях **дескриптивных**, описывающих, в словарях-тезаурусах, содержащих все языковые и речевые единицы общепотребительного, общеизвестного статуса, включая общезначимые коллоквиализмы, полудиалектные и полужаргонные (общезаргонные) единицы, а также, несомненно, и все актуальные единицы русского сквер-

нословия. Это чрезвычайно важная, до сих пор не решенная задача отечественных лексикографов.

Отсутствие лексических, фразеологических и прочих единиц русского сквернословия в составе и контексте лексикона дескриптивного словаря общего типа представляет русскую речь в заведомо неполном виде, без отсылочной связи с традиционным сквернословием становится неясными, часто нелепыми многочисленными эвфемистические образования русского языка. Неполной и нереалистичной становится и русская картина мира, представленная в толковых и переводных словарях общего типа.

Наследие греко-славянской гуманитарной культуры в Словаре русского языка XI–XVII вв.

М. И. Чернышёва

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

chernysheva@bk.ru

Феномен греко-славянской гуманитарной культуры, лексика, переводная литература, Словарь русского языка XI–XVII вв.

Summary. The academic «Dictionary of Russian language XI–XVII centuries» is unique lexicon in all slavic world in which in so considerable volume slavic and Old Russian translations from the Greek language of the Byzantine sources are presented and where in the fullest kind the heritage of Greek-slavic humanitarian culture, thus, remains.

Тысячелетнее взаимодействие Руси с Византией и дальнейшее постижение, углубление и развитие полученного наследия привели к тому, что сформировался феномен греко-славянского гуманитарной культуры. Ее результат иногда называют греко-славянской культурной моделью. Греко-славянская культурная модель имеет свои смысловые параметры.

Названный феномен складывался постепенно из сложного переплетения православно-христианских, античных, ближневосточных и славянских языческих корней во время существования Византийской империи; он продолжал свое развитие и после падения Константинополя в 1453 г., когда Русь приняла самоназвание — «Третий Рим», осознав себя преемницей, хранительницей и продолжательницей духовных богатств и традиций Византии. Без греко-славянской гуманитарной культуры невозможно было бы оформление русского национального самосознания в том виде, который еще недавно отчетливо сознавался его носителями.

Многое сделано за последние полвека для постижения смысловых, часто уже ставших загадочными для нас, параметров греко-славянской культурной модели (С. С. Аверинцев, Е. М. Верещагин, Р. Пиккио и др.).

Оставив в стороне часть параметров (проявляющихся в самых разнообразных сферах жизни, начиная от царского церемониала, политики, канонического права, церковной жизни и т. д., заканчивая архитектурой и иконописью, которая продолжает не только свою собственную линию, но и оказывает плодотворное влияние на современную русскую живопись), обратимся к слову и словесным — литературным произведениям, поскольку именно они являются носителями и выразителями греко-славянской культуры. Лексика этих памятников еще не ушла из русского языка, но смысл многих слов, сохраненный в языковой памяти, уже ускользает от наших современников, всем укладом нынешней жизни оторванных от традиционного строя мысли и мироощущения.

Греко-славянская культурная модель обладает своей архитектоничностью, она напоминает, по словам С. С. Аверинцева, «добротню сработанную лестницу смысловых ярусов, о которую не страшно опереть стопу при крутом восхождении». Теперь, в наше время, для постижения

смысла элементов этой модели, как на первых этапах ее формирования, снова нужно пройти стадию, которая прежде называлась «посвящением».

Как оказывается, греко-славянская культурная модель, не имевшая в пору своего формирования и расцвета развитых технических средств, способна продемонстрировать такие достижения в сфере материального и особенно — духовного мира, подступы к которым еще только нащупываются. Как далеко ни ушла современная наука, временами оказывается, что многое уже было сказано другими словами. Одной из ярких иллюстраций является словесно выраженная идея *света* (*сияния* и т. п.), соотносимая с *очами*, которая глубоко разработана в данной модели. Древнерусское языковое чутье, вопреки научной этимологии, последовательно объединяло в родственных словах корни *свет-* (*свѣт-*) и *свят-* (*свят-*).

Для изучения наследия греко-славянской гуманитарной культуры необходимо обладать полной информацией об объеме числа переводов с греческого языка, сделанных славянами и на Руси. Однако до сих пор мы знаем это число только приблизительно. А если к этому добавить, что многие из этих переводов имели хождение (бытовали) прежде на Руси во множестве списков и число этих списков велико до сих пор, то окажется, что русская культура осталась до сих пор не просто богатейшей наследницей и хранительницей греко-славянской гуманитарной культуры, но и ее носительницей.

Последовательная работа по подбору греческих оригиналов славянских переводов и их сравнительному изучению ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Одновременно в академическом проекте Института — в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» проводится описание лексики этих произведений и разработка понятий греко-славянской гуманитарной культуры.

Академический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» является единственным во всем славянском мире лексиконном, в котором в столь значительном объеме представлены славянские и древнерусские переводы византийских источников с греческого языка самых разных жанров и где в наиболее полном виде, таким образом, сохраняется наследие греко-славянской гуманитарной культуры.

О природе пометы *церк.* в «Словаре церковнославянского и русского языка»

А. М. Четырина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

anna_chet@mail.ru

Словарь, церковнославянский язык, церковная сфера употребления, стилистическая помета, этимологическая помета

Summary. The paper covers various interpretations of church mark in the dictionary of the Church Slavonic and the Russian language and the reasons of difference between them.

1. В период создания «Словаря церковнославянского и русского языка» [6] теоретические основы лексикографиче-

ского представления этимологически и стилистически неоднородной лексики были недостаточно разработаны, по-

этому в «Объяснительной таблице сокращенных речений, находящихся в Словарь» недифференцированно представлен список функциональных, собственно стилистических и грамматических помет, в числе которых указана помета *церк.* («речение церковное»). По данным М. С. Вашаломидзе, в словаре содержится 6494 слова с этой пометой.

2. Помета *церк.* квалифицируется исследователями словаря неоднозначно: как стилистическая (М. С. Вашаломидзе; В. В. Виноградов; Р. М. Цейтлин) и как этимологическая (В. В. Розанова; А. С. Щекин). Трактовка этой пометы как стилистической основывается на ее функциональном сходстве с пометой *Сл.* (*Слав.*), использовавшейся составителями «Словаря Академии Российской» (САР) для обозначения лексики высокого слога. Поскольку [6] не был нормативным, в нем была иная система специальных и стилистических помет: «Вместо указаний *славенское*, *высокое* даются пометы *церк.* (церковное), *рит.* (риторическое), *стих.* (стихотворческое)» [7: 61]. В. П. Вомперский, говоря о помете «*Славенское*» в САР, утверждает, что она была не только стилистической, но и этимологической, а проблема этимологии понималась составителями словаря как проблема источника заимствования [3]. Вероятно, из такого понимания этимологии исходили и составители [6], сопровождая пометой *церк.* слова, встречающиеся в церковных и богослужебных книгах.

3. А. С. Щекин, интерпретируя помету *церк.* как показатель генетических церковнославянизмов, отмечает, что в некоторых случаях в рассматриваемом словаре критерием наличия или отсутствия этой пометы является фиксация слова в церковной или светской литературе, независимо от его происхождения. Так, например, лексема *благовоздаяние*, образованная по церковнославянской модели с использованием церковнославянских словообразовательных средств, не сопровождается пометой *церк.*, так как употребляется в нецерковной письменности [8].

4. В определенном смысле этимологическим показателем в [6] является приведение примеров употребления «изъ книг Священного Писания, богослужебныхъ и вообще церковныхъ», поскольку, как указано в Предисловии, они сопровождают «объяснение словъ Церковно-Славянскаго языка» [4: XII–XIII]. При этом примеры употребления лексем, взятые из подобных источников, приводятся в словаре независимо от наличия или отсутствия пометы *церк.* Ср. «**Мвропрятный**, ая, ое, пр. *Церк.* Служащій для пріятыя и храненія св. мвра. *Мвропрятнаго сосуда*. Прол. Июня 24.». «**Многогрѣшный**, ая, ое, пр. Имѣющій много грѣховъ. *Молю тя... многогрѣшную душу мою ущедрити*. Мин. мѣс. Июля 28».

5. Несмотря на то, что в «Объяснительной таблице сокращенных речений», находящейся в [6], помета *церк.* (речение церковное) стоит в одном ряду с пометами, указывающими на функциональную характеристику слов (Ср. речение водоходное, речение художественное, речение хирургическое и др.), ее вряд ли можно квалифицировать как функционально-стилистическую, поскольку большое количество православных религионимов, относящихся к церковной сфере употребления, этой пометой в словаре не маркируются: *акафист*, *алтарь*, *аналав*, *архангел*, *богоявление*,

водоосвящение, *говеть*, *духовенство*, *завон*, *игумен*, *клобук*, *крестоводружение*, *лампада* и др. Кроме того, слова, входящие в одно словообразовательное гнездо, могут иметь разные пометы, например: лексемы *литургисать*, *литургисовати* сопровождаются пометой *церк.*, а у лексем *литургисание*, *литургиарий*, *литургийный*, *литургия* этой пометы нет.

6. Взгляд на помету *церк.* составителями [6] как на помету в большей степени этимологическую обусловлен в первую очередь объектом описания словаря. Поскольку православие в середине XIX в. являлось «образом жизни» русского человека и не ассоциировалось только с совокупностью специальных терминов определенного вида деятельности, каким было осуществление религиозного культа, необходимости в функциональной характеристике слов, относящихся к церковной сфере употребления, в словаре не было. Вероятно, поэтому составители не используют помету *церк.* как функционально-стилистический показатель.

7. Следует учитывать и отсутствие в период создания «Словаря церковнославянского и русского языка» теоретических основ лексикографирования. По этой причине прослеживается явная непоследовательность в стилистическом оформлении словаря. Так, например, в ряду стилистических помет, сопровождающих лексические единицы, относящиеся к православию, имеется помета *Богосл.* — речение богословское. Эта помета встречается в словаре только при слове *власти* в значении «ангелы шестаго чина». Другие понятия, относящиеся к богословию, данной пометой не маркируются.

8. Представляется, что помета *церк.* в «Словаре церковнославянского и русского языка» является генетико — стилистической, указывая либо на этимологию слова — принадлежность церковнославянскому языку / или употребление в церковной литературе, либо на его собственно стилистическую характеристику.

Литература

1. Вашаломидзе М. С. Просторечная и простонародная лексика «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1967.
2. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М., 1977. С. 206–242.
3. Вомперский В. П. Словарь Академии Российской (1789–1794) // Известия АН СССР. 1983. № 6. С. 508–514.
4. Предисловие // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: [В 2 кн.: В 4 т.]. Репр. изд. [1847 г.]. СПб., 2001. С. I–XV.
5. Розанова В. В. Словарь церковнославянского и русского языка // История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб., 2001. С. 163–188.
6. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: [В 2 кн.: В 4 т.]. Репр. изд. [1847 г.]. СПб., 2001.
7. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.
8. Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 года // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: [В 2 кн.: В 4 т.]. Репр. изд. [1847 г.]. СПб., 2001. С. 3–8.

Структура и ресурсы информационно-поисковой системы «Словари русской поэзии Серебряного века»*

Л. Л. Шестакова, А. В. Гик, А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

lara.shestakova@mail.ru, annagik@yandex.ru, an_kuleva@mail.ru

Информационно-поисковая система, Серебряный век, словари поэтического языка

Summary. The informational searching system «Dictionaries of Russian Poetry of Silver Age» is presenting. It used especial database of the «Dictionary of Russian Poetry of the XXth Century».

Информационно-поисковая система (ИПС) «Словари русской поэзии Серебряного века» создается на основе базы данных и электронной версии многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [5]. Основная задача проекта — создать такую ИПС, которая могла бы отразить в

словарной форме разные лексико-семантические, стилистические пласты языка поэзии Серебряного века, обеспечить поиск информации от разных элементов словарной статьи (от автора, стилистической пометы, грамматической пометы, времени создания стихотворения и т. д.).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-12112в.

В настоящий момент рассматриваемая система включает четыре пополняемых словаря: «Словарь новых слов», «Словарь редких слов», «Словарь имен собственных» и «Словарь поэтических цитат». Опираясь на корпус текстов (СЯРП) (произведения 10 поэтов), названные справочники строятся в соответствии с его основными принципами. Вместе с тем составителями учитывается и отражается в словарях специфика описываемого языкового материала.

Каждый словарь представлен в ИПС Предисловием и Содержанием. Предисловие дает общую характеристику словарям данной разновидности и вводит конкретный словарь серии; Содержание — это, собственно, массив подготовленных словарных статей. Так, в Предисловии к «Словарю новых слов» говорится, что немногочисленные пока справочники авторских новообразований можно представить в виде нескольких групп, которые образуют, в рамках лексикографии художественной речи, направление писательской неографии. Во-первых, это словари, предметом описания которых служат именно новообразования, принадлежащие перу отдельных авторов, например, «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» [3]. Во-вторых, — словари, в которых новые лексемы — это только один пласт описываемых слов, например, «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» [4], в котором окказиональная лексика помечается специальным знаком звездочки, и СЯРП, где новые слова (в широком понимании этого термина) сопровождаются пометой *нов*. Хотя в «Словаре новых слов» ИПС представлена только лексика, характеризующаяся новизной, в нем сохраняется принятая в СЯРП помета *нов*. Это связано, в частности, с тем, что в некоторых случаях при помете стоит вопросительный знак. Смысл его может быть сведен к неполной уверенности составителей в новизне лексемы — при том, что она не обнаружена в словарных источниках. В статьях на новые слова даются, при необходимости, грамматическая характеристика, толкование, отсылки и другая информация. Например:

БЕЗНАПРАСЛИНКА [*нов.*] Не растеклась еще Кровь Иисусова. Над безнапраслинкой — Времячко Бусово. *Цв922 (II,59)*

ВЫРУЧА [*нов.?*; *вар. к* выручка] Граждане! / Это первый день рабочего потопа. / Идем / запутавшемуся миру на выручу! / Пусть толпы в небо вбивают топот! / Пусть флоты ярость сиренами вырычат! *М917 (65)*

Словари редких слов образуют в своей совокупности новый тип лексикографического сочинения [2: 198–207]. Определение «редкие слова» достаточно условно, и далеко не все составители соответствующих справочников проясняют его содержание. В одних случаях «редкими» называют лексемы, которые не вошли в современные толковые словари русского языка; в других — устарелые, малоизвестные, непонятные сегодняшнему читателю слова и выражения из произведений писателей прошлого. В «Словаре редких слов» ИПС представлены лексемы, употребленные одним поэтом только один раз. Это слова устаревшие, новые, облатные, специальные, а также лексемы общеупотребитель-

ные, однако в поэтическом языке (в пределах произведений выбранных авторов) редко используемые. Например:

ГАЙТАН [*устар.*; плетеный шнурок или тесьма] И рвал г., и тискал тельник, И ребер сдерживал обвал. *П926–27 (I,312)*

ГРИФ [*мифол.*; фантастическое крылатое существо с туловищем льва и головой орла] Перуджийский г. когтит тельца. *АБ909 (III,118)*

ГРЫЗНЯ [*разг.*] «Смотри, сейчас сюда нагрянут, Пощечин звонких нададут Г. начнется и возня, Иди, иди же, размазня!» *РП Хл912 (222)*

«Словарь имен собственных» является продолжением книги [1] и включает в себя личные имена и географические названия. В Предисловии к словарю говорится, в частности, что его характер и объем обусловлены не принципиальным предпочтением антропонимов и топонимов иным именам собственным, а в основном — частотностью и многообразием их типов в текстах выбранных авторов. См., например, статьи:

ДЕБЮССИ [Клод Ашиль Д. (1862–1918) — франц. композитор] К ДЕБЮССИ *Загл. Куз915 (172)*; Меня тревожит вздох мятежный (От этих вздохов, Господь, спаси!), Когда призыв я слышу нежный То Моцарта, то Д.. *Куз916 (164)*

ДНЕПР ...И перед крашеным окном В шелковых листьях тополя, А там все лес, и все поля, И степь, и горы за Днепром... *Ес914 (I,95)*

«Словарь поэтических цитат» реализует идею В. П. Григорьева о компрессированном словаре сильных поэтических контекстов (см. Предисловие). В словарь включаются, по определенным критериям, строки, выделяющиеся среди других актуальностью, образной яркостью, эстетической значимостью и т. п. Например:

АКЦИОНЕР Акционеры / сидят увлечены, / делят миллиарды, *Ирон. М925 (215)*

БОГ Быть может — вздох от нас останется, А может — Бог на нас оглянется... *Цв919 (I,493.1)*

ЖАЛОСТЬ А с каплей жалости твоей Иду, как с солнцем в теле. *Ахм945 (220.1)*

Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века» может быть использована в исследовательской, научно-познавательной и иных областях с разными целями, в первую очередь — для многостороннего изучения языка русской поэзии первой трети XX века.

Место размещения представленной ИПС в Интернете — сайт <http://lexrus.ru>.

Литература

- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М., 2005.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.
- Перцова Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.
- Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. / Сост.: И. Ю. Белякова, И. П. Оловяникова, О. Г. Ревзина. М., 1996–2004.
- Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001, 2003, 2008 (СЯРП).